

ГАЛИНА МАНУКЯН
СВИДЕТЕЛЬ

Галина Викторовна Манукян

Свидетель

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42655175

Аннотация

Иногда любишь того, кого должен ненавидеть. Иногда долги приходится отдавать даже спустя тысячу столетий. Наше время и Древняя Индия времен царя Ашоки, два преступления, объединенные одной кармой. Загадки и философия, коррупция и йога. Как это все связано? В узнаете в романе, который заставит вас внимательнее посмотреть в глаза в зеркале. Кто вы? А вдруг оно Пустое?

(Любые совпадения имен считать случайными, а события вымышленными).

Содержание

Глава 1. Короткое замыкание	4
Глава 2. Убийство	13
Глава 3. Охота	28
Глава 4. Невероятно, но факт	37
Глава 5. Похищение под разным углом	55
Глава 6. Дом торговца мечтами	68
Глава 7. Согласно купленным билетам	87
Глава 8. Искупление. Пункт первый	112
Глава 9. Умалишенная	138
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Галина Манукян

Свидетель

Глава 1. Короткое замыкание

– Аве Кришна!¹ – дерзко крикнула я, поддавшись чувству справедливого негодования, с которым шли на царских жандармов революционеры, и задрала руку, раздвинув пальцы в виде буквы V. – Но пасаран!²

В долю секунды перед тем, как развернуться спиной к трибуне и спонсору, разглядывающему шествие с видом скучающего легата, сосланного в захолустье римской империи, я заметила оживленное недоумение на смуглом лице.

«Чертов буржуй», – подумала я и, содрогаясь от неприязни, пошла сквозь толпу наискосок. Лишь бы подальше от этого спектакля.

¹ Ироническая смесь двух выражений: «Аве, Цезарь» («Да здравствует Цезарь», которым приветствовали в Древнем Риме) и «Харе Кришна» (лозунг кришнаитов).

² «Но пасарán» (исп. *¡No pasarán!* – «Они не пройдут») – лозунг испанских революционеров во время гражданской войны, символ антифашистского движения.

Ничто не предвещало неприятностей. Погода была на стороне слегка полоумной человеческой радости. Солнце над Ворошиловским проспектом светило ярко, растворив облака едкой синевой неба. По проезжей части вышагивали парадом горожане в плащах и куртках, демонстрируя головные уборы на любой вкус. Береты с перьями, канотье с искусственными цветами, ермолки, расшитые бисером, ковбойские шляпы с широченными полями, шлемы а ля Илья Муромец... Ненавижу шляпы!

День города превратился в масштабное действо благодаря щедрым вливаниям московского спонсора. Повсеместно рекламируемые призы за лучший головной убор сделали свое дело. И сегодня мне наверняка будут сниться кошмары.

Мужичок в желтом сомбреро с клювом, перевешивающим вперед всю его щуплую фигуру, чуть не сбил с ног мою подругу Нику. Я поддержала ее под локоть и тут же обомлела, ибо рядом прошагал гигантский фетровый котелок, обвязанный фиолетовой лентой. Из-под него виднелись ноги в джинсах и кроссовках, а из вырезов по бокам высовывались руки выдумщика. Гм, кардинальное решение! Долговязый джентльмен в зеленом цилиндре зашепшил за ним, тростью пробивая себе дорогу. Благообразная старуха с самоваром на голове мимоходом прокляла наглеца. Справа от меня

проплыл черный бархатный блин с плиссировкой по краям, под которым угадывалась невысокая дама.

Я провела рукой по непокрытой голове и отбросила с плеча назад русую косу, чувствуя себя лишней на этом разгулье шляпного зодчества.

Ника поправила шляпку-таблетку, опутанную черной вуалью с мушками, и ревниво ткнула пальцем в блондинку в туфлях «даешь артроз»:

– Глянь, у нее тоже вуалетка...

– Какая разница, – вздохнула я, борясь с дискомфортом. – Давай выбираться отсюда.

– Ну, Варь, тут так прикольно! – надула губки Ника.

– Не выношу толпу.

– Надо работать над собой. Как там твоя гуру говорит?

– Янина? – Я закусил губу. – Ну да... Но нет, это сильнее меня. У меня уже четверть часа ком к горлу подкатывает, хочется зажмуриться и бежать, сломя голову.

– Если зажмуришься, встретишь ближайший столб.

– Столб... да, – пробормотала я и потянула Нику к тротуару, где толпа была пореже, – Пожалуйста, пойдем. Все равно по оригинальности тебя даже бабулька с чайником переплюнет, или вон та папаха из перьев...

– Да уж. А ты бы хоть бейсболку надела.

– Стадный инстинкт – моветон. Я вообще весь этот ужас только ради тебя переживаю.

– Я ценю. – Красотка Ника умоляюще взглянула на ме-

ня и оттянула вниз критически короткую юбку. – Но потерпи, плиз, еще до конца переулка. Из этого ряда московского спонсора видно хорошо.

– Зачем тебе?

– Любопытно.

Я хмыкнула:

– Думаешь, увидит тебя и упадет в обморок от большой любви? А вдруг он старый и противный? С висячими бородавками?

Ника мечтательно улыбнулась:

– Я его погуглила. Красавчик. Правда, тот еще Казанова. – Ника потянула из сумки свернутый рулоном глянцевого журнала. – В светской хронике частенько пишут: бросил ту, разбил сердце этой. Такой скандалище был с как ее... Скворцовой, владелицей дамских изданий, – захихикала Ника. – Теперь она про него гадости публикует везде. Но посмотреть же интересно! Вот так, вблизи!

– Ладно.

Ника чмокнула меня в щеку и тут же изобразила ретро загадочность, стараясь не запутаться в длинных ногах – мы приближались к трибуне почетных гостей, специально возведенной для парада на фоне первого в городе супермаркета. Багроволицые чиновники с супругами, несколько известных бизнесменов города потягивали шампанское и махали плембу. Привлекательная дочка местного олигарха в орхидеях на плоской белой шляпке уткнулась в телефон. А чуть

поодаль развалился в кресле, забросив ногу за ногу, яркий красавец-брюнет в светлом костюме. Наверняка тот самый московский спонсор.

Ника ускорила шаг, обгоняя меня. Возможно, ей хотелось отмежеваться от простоволосой подруги в толстовке, джинсах и теннисках. Впрочем, зря: в ультра-маленьком черном платье, кокетливо выглядывающем из-под распахнутого пальто, в шляпке, перчатках и стильных лодочках она выгодно смотрелась на моем фоне. Я не стала ей мешать – захочет, обернется. Но одобрить желание подруги выделиться перед этим надменным типом не получилось. Пожалуй, даже лошадей на ипподроме разглядывают с меньшим презрением, чем он – мою подругу. Даже скривился.

Я пошла медленнее, нахмурившись. Когда поравнялась с трибуной, мужчина скользнул и по мне пустым взглядом. Как по вещи... Даже хуже – как по рытвине на сером асфальте... Внезапно в душе что-то щелкнуло, и возмущение заискрило, словно этот взгляд имел хоть какое-то значение.

«Довольно вышагивать перед этим картонным мавзолеем!» – в сердцах решила я. И выкрикнула то, что первым пришло в голову: «Аве... Кришна».

* * *

Я опомнилась только через пару кварталов, почти на следующей остановке автобуса. Пораженная собственной реак-

цией, выдохнула и уставилась в синее небо в обрамлении желтеющих акаций. Что это было?! Помутнение рассудка?

Обычно я так себя не веду. Я вообще никогда так себя не веду!

Я – человек спокойный, иногда даже чересчур. Да, мне не комфортно в толпе. Если меня вытолкнуть на сцену или поставить перед большим скоплением народа, руки начинают дрожать, и дышать становится трудно. На работе и речи быть не может о том, чтобы переводить какие-нибудь конференции, поэтому я вожусь с документами в тихом уголке. Я на хорошем счету, всегда сдаю заказы вовремя и получаю неплохие бонусы, но о повышении можно не мечтать.

«Надо проработать этот кармический блок», – говорит в ответ на мои сетования Янина, опытный эзотерик и мой духовный учитель, и поясняет, что страх толпы связан с прошлыми жизнями: в одной меня маленькую задавили во время паники в Помпеях, в другой – единственным и последним публичным выступлением была моя казнь. На костре. Я верю, потому что от огня меня тоже прилично потряхивает.

Увы, сама я не помню ни одной реинкарнации, хотя перепробовала массу методов, описанных в книгах: от медитаций до обратного прокручивания воспоминаний. Попусту. Но в жизни я руководствуюсь принципом: кто не испытал, тот не поймет, потому что по натуре я практик. Другим навредить боюсь, а себя не жалко.

Но всё иначе было на этот раз. Эмоции полностью вышли

из-под контроля. Одного взгляда неизвестного мне человека хватило для того, чтобы я за малым не потянулась за камнем и не начала революцию... Если честно, до сих пор хотелось. Я сглотнула. Встряхнула головой и вспомнила о Нике. Одновременно зазвонил смартфон в кармане.

– Варюничик! – проговорила возбужденная подруга. – Ты где?

– Прости, Солнце, я на остановке. Я...

Мне было неловко: как объяснить мой демарш? Но Ника перебила:

– Хорошо, что ты в порядке, Варюничик. Ну ты выдала, конечно! Я хотела тебя догнать, споткнулась и... с таким парнем познакомилась! Не обижайся, ладно? Мы погуляем с ним, с Егором. А ты же вроде домой хотела...

В душе неприятно скребнуло, но не в моих правилах диктовать людям условия. Подобные знакомства для Ники были не редкостью. Даже странно, что она, красавица с отчаянным желанием выйти замуж еще не обзавелась домом, состоятельным мужем и парой детишек. Наверное, тоже карма?

Я пробормотала:

– Да, конечно, Вероник. Только не балуйся там слишком.

Подруга радостно пообещала:

– Буду примерной девочкой, – и отбила звонок. Легкомысленная, как всегда.

Мы с Вероникой знакомы с университета: с зимней сессии – как обменялись «медведями» по латыни, так и дружим.

Почти десять лет. При всей своей ветрености она большая умница, практически воспитала сестру, выросла без мамы – та умерла рано, а отец быстро женился и к дочкам навещался только в гости, хотя от содержания детей не отказывался.

Думаю, потому Ника так отчаянно ищет семью, чтобы восполнить недополученную в детстве порцию любви. А пока я за ней присматриваю. Даже ругаю иногда. Должен же кто-то. Но сейчас следовало выругать саму себя.

Ярость и раздражение постепенно распадалась на более безобидное ворчание и недоумение. Говорят, эмоции – это электричество. В таком случае несколько минут назад во мне случилось короткое замыкание. Тем более следовало разобраться.

Я запрыгнула в автобус, едущий в сторону дома Янины, уселась на свободное сиденье и включила в телефоне интернет. Итак, московский спонсор дурацкого парада... Валерий Черкасов, владелец сети сотовой связи и компьютерной техники «Дримсетъ», ловелас, денежный мешок, экстремал, любитель пошлых рекламных слоганов и старого рока. С экрана на меня смотрело красивое лицо в обрамлении уложенных волнами смоляных волос. Чересчур красивое. Сквозь голливудскую улыбку просвечивало отвратительное самодовольство.

Я стиснула зубы, сдерживая вновь закручивающийся воронкой негатив.

Никогда больше не пойду платить за мобильную связь в эту самую «Дримсет»! Пусть на мои сто рублей у него будет меньше!

Глава 2. Убийство

– Ты хоть понимаешь, что наделала?! – выслушав, огоршила меня Янина.

– А что? – растерялась я.

– Энергетический крючок!

Янина сидела напротив меня на диванчике в гуще красных шелковых подушек. Похожая на прибалтийку, со светлыми волосами до плеч и крупноватыми чертами лица, она сверкнула глазами под тонкими дугами бровей и начала отчитывать:

– Подобный эмоциональный выброс, направленный на конкретного человека, не может не иметь последствий. А ты слишком сильная девочка! И я думала, достаточно умная, чтобы контролировать свои энергии. О чем, скажи, о чем я долдоню вам всем регулярно? Не-на-вре-ди! А ты? Еще б проклятие наслала.

В полном замешательстве я потупилась и смяла пальцами кусочек фольги от принесенной мной шоколадки. Чувство вины мигом застлало всё остальное.

На журнальном столике по обыкновению дымились чашки с Арабикой. Я не люблю кофе, но Янина гордится тем, как его варит, и мне не хочется ее расстраивать.

Она повторяет, что я особенная. Одаренная. Не знаю, чем – меня даже просто счастливой не назовешь: денег нет, лич-

ная жизнь на нуле, дома проблемы. Среди других учеников, постигающих, как и я, эзотерические практики, я чувствовала себя самозванкой. Возможно от того, что привели меня к Янине не духовные изыскания, а банальное, знакомое многим желание – страстно хотелось настоящей любви!

Однажды обжегшись, я выбрала не прямой путь – решила стать лучше, чтобы иметь право на собственные высокие требования. Ника подсмеивалась надо мной и говорила, что красоткам типа меня «духовный костыль» не нужен. Но на самом деле таких, как я, невысоких девушек с густыми русыми волосами, голубыми глазами и несколько кукольными чертами лица, в мире достаточно.

Янина дотемна читала мне лекции об этике, экологичности, внутренней дисциплине и об использовании сил, которые не понимаешь до конца, пока ее не перебил звонок моего телефона.

– Варюничик, приезжай, пожалуйста! – послышался в трубке голос Ники, теряющийся в шумных ритмах. – Этот Егор... Он оказался таким гадом! – кажется, она расплакалась.

– А ты где? – встревожилась я.

– В ночном клубе «Реальная любовь», на Садовой. Хочешь, я тебе такси вызову?

– Не надо. Я приеду.

Янина критично посмотрела на меня, потом на свое отражение в зеркале и сказала будто не мне, а ему:

– Жить чужой жизнью – значит, тратить свою впустую. –

Она прошла в коридор, сняла с крючка на вешалке мою толстовку и, поджав губы, сказала: – Но я не буду больше об этом, устала повторять. Тебе пора.

* * *

Уже в маршрутке я поняла, что несмотря на пространный монолог Янины, объяснения, отчего же произошел во мне тот взрыв эмоций, я так и не получила. Лишь вспрыснула неприятный осадок свежими каплями вины...

Когда я подъехала к самому фешенебельному клубу города, Ника не отвечала ни на звонки, ни на сообщения. «Просто не слышит», – успокаивала себя я, хотя на душе было беспокойно, словно что-то плохое случилось или должно было произойти с минуты на минуту.

Охранник со взглядом выпотрошенного толстолобика пропускал в ночной клуб девушек, оценивая их внешний вид. Мой дресс-код вряд ли получил бы одобрение. Пришлось обойти толпу жаждущих клубной эйфории и свернуть от сверкающего фасада в подворотню. Присматриваясь в темноте к здоровенному псу, что устраивался за мусорными баками, я набрала номер Николая, еще одного ученика Янины.

Будучи студентом философского отделения, он подрабатывал в клубе – я видела его однажды здесь в длинном белом переднике. Не знаю, мыл ли он посуду или был тайным гени-

ем ножа и сотейника... Сам Николай предпочитал об этом не распространяться. Он любые разговоры переводил на околотеософские темы, быстро опуская собеседника до уровня плитуса в вопросах религиозной концептуализации.

– Здравствуй, Варвара. Почему ты решила, что я в каком-то там клубе? – высокопарно поинтересовался будущий философ.

– Коля, просто подойди к служебному входу на минуту. Я уже тут. Очень нужна твоя помощь.

Долговязая фигура в поварском костюме и колпаке показалась у неказистой двери почти сразу. Водянистые глаза под светлыми ресницами уткнулись в меня:

– Варвара?

– Спасибо, что отозвался. Я, честно, никому не скажу, что ты работаешь здесь, если не хочешь...

– У каждого своя садхана.

– Да, конечно. Пожалуйста, проводи меня внутрь.

– Меня уволят за это.

– Тогда найди, прошу, мою подругу и выведи ее сюда или к центральному входу. Она позвонила, попросила о помощи, а мне не попасть в клуб.

Николай смерил меня взглядом и выдавил:

– Это затруднительно.

– Коля, пожалуйста. Она стройная блондинка, с таким выразительным ртом и большими глазами, носик уточкой. Что еще? Рост средний, черное мини-платье, длинные ноги,

шляпка-вуалетка на голове...

Губы Николая скривились, будто я описывала не девушку, а червяка.

– Я тебе дам мобильник с фото, – добавила я.

Философ «под прикрытием» распахнул дверь пошире.

– Ладно, пойдем. Только по стеночке.

– Буду твоей должницей.

– Будешь.

Никогда бы не подумала, что темные коридоры, больше подходящие военному бункеру, приведут нас к громадному танцполу с зеркальными колоннами.

Музыка оглушила, как обухом. Разноцветные вспышки света повторялись в отражениях – вакханалия в геометрической прогрессии обретала принцип бесконечности.

– Всё. Больше не отвлекай меня. Выйдешь сама, – рявкнул мне в ухо двуликий философ и скрылся в подсобке.

Я растерянно обвела глазами пространство перед собой: и как мне найти тут Нику? На подставках, похожих на софы, извивались полуголые девушки. На втором этаже, отделенном белым пластиком, сидели за столиками VIP-гости. Внизу под общий ритм и безумно громкие, скрипучие звуки пластинки под пальцами диджея бесновалась молодежь. Человек двести. По-над полом стелился дым.

Гм, я люблю танцевать, но не под это же. И не так... Жутко не хотелось смешиваться с толпой, и предательский ком снова подкатил к горлу, руки задрожали. Я принялась уго-

варивать себя, что до меня им всем дела нет, как и мне до них. И, будто неумелый пловец, шагающий с мостика в морскую бездну, нырнула в скопище дергающихся тел. Разве что не зажала нос двумя пальцами, дыхание перехватило и так. Я проталкивалась вперед, чувствуя, что тону в запахах пота и смеси парфюмов, пробиралась мимо подпрыгивающих грудей, обтянутых блестящими топами, бокалов с шампанским, тату, задранных вверх рук и всевозможных торсов. Я отчаянно поглядывала в телефон и понимала, что даже если Ника поднимет трубку, ее голоса не услышать в какофонии возбужденных криков и тыц-тыц-музыки.

Подобно кораблю, потерявшему навигацию в буре, под завывания ветра и коварное пение сирен, я пробороздила толпу танцующих несколько раз. Тщетно. Ники среди них не было.

Я направилась к столикам, чувствуя себя лишней среди развеселых любителей ночной жизни. Мажористый юнец с челкой до подбородка, в желтом пиджаке с заливчатски завернутыми рукавами, протянул мне белый порошок в пакетике и многозначительно подмигнул.

– Оттянемся, чика?

Господи, куда меня занесло?! Нику убью. Потом. Когда вытащу отсюда и разберусь, что приключилось на этот раз.

Не ответив, я развернулась спиной к малолетнему наркоману. Пляски не прекращались. Из-за столиков в полутьме доносился шальной гогот. Подходить к ним было страшно-

вато. Но самое ужасное – я оставила очки дома, и при таком освещении физиономии на балконах казались смазанными кистью небрежного художника в единое пятно. Я почувствовала себя беспомощной.

Вспышка камеры справа заставила меня вздрогнуть и подарила идею. Я выставила смартфон, вытянув перед собой руку и в режиме камеры сделала максимальное увеличение. Ура! Люди вдали вновь обрели лица.

Я принялась скрупулезно рассматривать гостей на балконе, уклоняясь от особо рьяных танцоров и самоустраняясь от подвыпивших парней. Показалось, что вижу одиноко прикорнувшую на диванчике Нику. Продолжая бороться с паникой, я пробралась к выступающей из тумана спиралеобразной лестнице. Навела камеру на фигурку девушки на балконе, чтобы удостовериться, что это Ника, и наткнулась на кого-то плечом.

– Ой. Извините, пожалуйста, – автоматически пробормотала я.

– Самое место делать селфи! – недовольно буркнул позади баритон.

Я обернулась.

– Аве Кришна? – усмехнулся высокий мужчина в светлом костюме.

Краснея, я узнала в нем того самого московского спонсора. И поняла, почему, собственно, сорвался с языка Кришна: молодой человек со стильными, не особо расчесанными

темными кудрями, большими черными глазами и смуглым утонченным лицом походил то ли на индийского раджу, то ли на арабского шейха, но совсем не на москвича.

Меня еще сильнее сковала неловкость, и оттого я еще раз извинилась. Он снисходительно усмехнулся и, не удостоив ответом, вернулся к телефонному разговору.

– Да, Лена, вернись в офис. Зайди в мой рабочий компьютер, в папке «Важное» найдешь документ, первый в списке. Там данные по этой партии товара. Пароль ты знаешь...

«Эксплуататор, – нахмурилась я, – сам развлекается, а какая-то рабочая лошадка в десять часов вечера должна ехать в офис».

Выдав распоряжения, москвич отбил звонок и пошел по ступеням наверх. Я заколебалась, последовала было за ним, точнее, к Нике, но дюжий охранник преградил путь.

– Есть пропуск в VIP-ложу?

– Я подругу ищу. Она там. Вон, блондинка слева, смотрите...

– Без пропуска нельзя.

Миллионер обернулся.

– Пропусти. Пионерки тут долго не резвятся.

– Но она не оплатила...

Явно не привыкший повторять приказы, мужчина сделал жест кистью, будто небрежно муху смахнул. И охранник посторонился, одним этим движением лишенный достоинства. «Раджа» тут же забыл о нем и обо мне, оставив в моей душе

послевкусие досады. Неожиданно для себя вдруг захотелось бросить в эту широкую спину телефоном или толкнуть специально плечом побольнее, чтобы сбить царственную спесь. Естественно, я сдержалась, с омерзением глядя на то, как олигарха подхватила под руку брюнетка с лощеными, будто атласный плащ волосами. Она потянула мужчину за собой, соблазнительно улыбаясь. Возможно в такие моменты люди и становятся революционерами, – подумала я, – решают выходить на Болотную площадь, выступая не против власти в целом, а против лично навредившего чиновника, против зарвавшегося богатея, против неприемлемого для человека чувства презрительного превосходства над ним, долетевшего рикошетом от неизвестно кого.

Я стиснула зубы, не желая ни в коем случае, чувствовать себя меньше и незначительнее этого сноба. Потому что это не так! Тотчас опомнившись, заставила себя возрадоваться, что этот эпизод для меня пусть и неприятен, но столь же мимолетен, как для рыбацкой лодки проплывающий круизный лайнер. Окатит волной издалека, качнет и всё, через десять минут он растворен в солнечной дымке, и след его слизан морской пеной. И вдруг я вспомнила слова Янины о том, что я его еще встречу. Я оторопела, неужели она была права и насчет энергетической петли?

Подождав, пока пара, достойная светской хроники, скроется за высокой перегородкой, я поднялась в VIP ложу. Здесь тоже царило шампанское и оживление, но не все плясали. И хорошо – некоторым чересчур серьезным, явно криминальным лицам биться в танце, на мой взгляд, не пристало.

Ника сидела, вжавшись в диван, в самом углу балкона. В пальцах застыл бокал с недопитым мартини. На столе полупустая бутылка, орешки, остатки фруктов на блюде, скомканные салфетки и второй бокал.

– Ник! Что случилось? – подскочила к ней я.

Подруга встрепенулась, будто дремала, и захлопала длинными ресницами.

– Что?! Ой, хорошо, что это ты, – выдохнула она перегазом. – Варечка, у тебя деньги есть?

Я криво улыбнулась.

– Есть. Но целевые, на квартиру.

Вероника отхлебнула из бокала, взглянула на меня виновато замутненными хмелем глазами и, молча принялась наматывать на кончик носа пшеничную прядь. Выглядело это смешно, но она всегда так делала, когда попадала в затруднение.

Я села рядом. Убрала ее руку.

– Выкладывай, в чем дело.

– Какой-то гад слямзил мою сумку!

– Как?!

– Так. Сначала тот придурок Егор приставать начал, я его отшила и на помощь позвала. Вышибала его пнул, а гаденыш крикнул, что у входа будет ждать. Вот. Ну, я тебе и позвонила. Потом познакомилась с парнем, вроде ничего такой, здоровый. Думала, поможет с тем гадом справиться. Ты же не Терминатор...

– Да уж.

– Поднялись сюда, заказали выпивку, закусить немного. Потом я чего-то замешкалась, а он вышел вроде на минуту. И уже почти час нету. И сумки моей нет, и мобильного, и карточек. Вряд ли он вернется...

– Да ведь я ехала сюда от силы час! Когда ты успела?!

– Ну вот, – Ника развела руками и ткнула наманикюренным пальцем в кожаный футляр со счетом, – теперь хоть натурой расплачивайся.

– Не говори глупостей, сколько там? – Я извлекла чек и ахнула. – Это же все, что у меня есть, даже на такси не останется.

– Это дорогой клуб, – вздохнула Ника.

– Заметно.

Не скрывая недовольства, я полезла за кошельком и снова недобро помянула олигарха, которому эти деньги потратить, как ребенку на копеечное мороженое... Так, глядишь, стану революционеркой – все отнять и раздать. Со скрипя-

щим сердцем я выложила купюры, оставив в отделении одну сотню – на хлеб. Ника тотчас повеселела, обняла меня и чмокнула в щеку:

– Ты же моя котя! Я отдам всё, не бойся! Аванс в понедельник.

– Ладно, доживем до понедельника, – пробурчала я. – Пойдем.

Ника радостно потрясла в воздухе недопитой бутылкой martini.

– Варюничик-котюнчик, раз все оплачено, не пропадать же добру?! Давай отметим самый дурацкий в мире праздник шляп!

– Настроения нет. Поедем лучше домой, точнее пойдем, – ответила я. – К тебе.

В проходе поднялся шум. У лестницы ссорился похожий на бандита мужчина лет сорока пяти с тем самым нагловатым юнцом в желтом пиджаке, явно из золотой молодежи. «Толстолобики» в костюмах не решались вмешаться и почтительно стояли неподалеку. Сквозь гул и ругань до нас постоянно долетали слова «телефон» и «Дед Мороз», один раз даже «Снегурочка». «Совсем обкурились», – подумала я в сердцах. Было ясно: лучше подождать и не оказываться рядом с ними.

Я опустилась обратно на диван, чувствуя себя, как на иголках и поглядывая на ссорящихся и сочувствующих. Скользнула взглядом к той высокой перегородке, за которой

скрылся москвич. Отчего-то не хотелось, чтобы он увидел, что я сижу здесь, как все... Наконец, лестницу освободили, и я подозвала официанта.

– Вот, скажи, Варь, ты такая классная, я тоже ничего, почему нам так не везет, а? – говорила Вероника поплывшим голосом. Подошедшего официанта она дернула за рукав и подмигнула: – Мы ведь ничего?

– Очень даже, – ласково согласился юркий парень с именем Артур на бейджике. – Счет забирать или еще закажете что-нибудь?

– Забирайте, мы уходим, – кивнула я.

– А представляете, Артур, – таинственно заговорила Ника, – моя подруга ясновидящая. Ей сны вещие снятся, и она всегда чувствует, когда я вляпаюсь. Вот и сегодня говорила: не балуйся...

Артур резиново улыбнулся.

– Перебрала немного, – примирительно пояснила я, смутившись от слов подруги: ну, какая я ясновидящая? Разве одиночный случай, когда мне приснилась ее мама с напутствием, делает меня такой? Я кашлянула в кулак. – Пойдем, Ника.

Вспомнив об обиженном поклоннике, я потянула Нику к двери в подсобку за колонной.

– Куда мы? – спросила Ника и ахнула. – О, потайной ход! Круто-круто! Дверцы... В кроличью нору? Пусть гаденыш Егор до завтра меня ждет, попу отморозит.

– Тсс, – приложила я палец к губам, – молчи, а то нас выгонят отсюда как раз к нему в объятия.

– Не-не-не, – замотала головой Ника и, качнувшись, зашептала убийственно громко: – Я тшш, молчок. Вот нельзя пить на голодный желудок, чего там было тех фруктов! Жмоты они тут, не фруктовое ассорти принесли, а фиг на палочке.

Терпение мое было на исходе, я подталкивала ее к выходу и нервно оборачивалась, представляя, каких трудов мне будет стоять дотащить ее три квартала домой. Хорошо, что не на другой конец города!

Наконец, заветная дверь была распахнута, и дождливой свежестью пахнуло нам в лицо. Ника захихикала при виде мусорных баков:

– Нет, честное слово, это феерично! Такого офигенского посещения клуба у меня еще не было! Сфоткай меня, а? На память.

– Домой пошли, – зашипела я.

– Варюничик, одну фотку и домой. Смешно же! – заупрямилась Ника. – А лучше видео!

– Нашла где! – рывкнула я, но все-таки достала из кармана мобильный, зная, что проще уступить дурному упрямству, чем настаивать на благоразумии.

Стоило мне навести мини-объектив на позирующую на фоне мусорки подругу, как из другой двери за баками выскочил уже знакомый юнец в желтом пиджаке, за ним мор-

датый криминал.

– Не уйдешь, падла! – заорал он, и раздалась пальба.

На автомате я перевела объектив на мужчин. Ника присела у баков, прикрывая голову, а я застыла, следя, как в увеличенном кадре пронеслись жертва и палач. Фигура в желтом пиджаке рухнула в лужу, как куль. Вода в ней мгновенно стала темнее, смешавшись с кровью. Убийца сплюнул, наклонился зачем-то и, повернув голову к фонарю, увидел меня с телефоном в вытянутой руке. Мужчина выругался и направил на меня пистолет.

Черное дуло приготовилось выплюнуть мне в лоб свинец. Я заледенела, а время потекло крупными, вязкими каплями. Загрохотало дождем о крыльцо. Во рту пересохло.

Надо было бежать, спастись, но я приклеилась к месту, будто в детском кошмаре, когда ноги становились ватными. Кто-то дернул меня за руку и втащил обратно в коридор. Со всего маху ударившись о дверной косяк, я осознала, что несусь за Никой, непонятно как переставляя ноги.

Глава 3. Охота

Дверь за нами с грохотом захлопнулась. Мы повернули направо по темным лабиринтам, потом налево. Убийца, видимо, не сразу справился с замком, потому как топот тяжелых ног лишь теперь послышался в начале коридора. Леде-нея от ужаса, я заметила дверцу в стене. Вспомнилось «Место встречи изменить нельзя». Я схватила Нику за плечо и одновременно толкнула коленом деревянное полотно. Поддалось. Подруга сразу поняла, чего я хочу. Похоже, она протрезвела от страха. В длинную узкую каморку мы втиснулись вовремя: едва защелкнулась собачка, снаружи раздался шум.

Дернули за ручку. Сердце пропустило удар. Ника зависла надо мной в скрюченной позе с расширенными глазами, ловя открытым ртом воздух, будто рыба, выброшенная ловцами на палубу.

Я закусила губу, стараясь не дышать. Пару секунд, и шаги начали удаляться. Когда они затихли, я громко выдохнула и активировала в телефоне фонарик. Возле нас стояли ведра, щетки, швабры и моющие средства. Я шарила глазами по полкам, не понимая, что делать дальше.

Ника шепнула:

– Давай тихой сапой обратно к служебному выходу. Где мусорки.

– Нет. Может, там сообщники... На лестнице в клубе с

этим типом целая толпа была. То ли уголовников, то ли телохранителей. Ужасные рожи.

И вдруг меня озарило: убийца никоим образом не мог разглядеть Нику! Ура!

Я затрясла подругу за плечи, шепча с радостной горячностью:

– Он же тебя не видел, Никуся, не видел! Только если руку или ногу в просвет между стеной и мусорным баком... Он уставился только на меня. Так что ты можешь уйти! Спокойно!

– Зато тебя рассмотрел во всей красе, – возразила Ника. – Даже не предлагай, я тебя не брошу.

– В любом случае, – жарко увещевала я, – поодиночке будет проще сбежать. А если Егора своего у входа встретишь, даже лучше! Закатишь ему скандал, и никто не догадается, что ты была со мной.

– Нас видели вместе. Тот же официант.

– Я об убийце.

– Ты тут вообще из-за меня оказалась. И эта фотка дурацкая, тоже...

– Не фото, видео, – вздохнула я.

Ника уже всматривалась в противоположный угол.

– Что там? Посвети.

– О, еще одна дверь! – воскликнула я.

– Угу, посмотрим, куда выходит.

– А не лучше пересидеть здесь?

– Не лучше. Попой чую. Она у меня привычная к неприятностям. Вдруг гады все прочесывать начнут? Этот типос явно криминальный авторитет или как его там... Надо слиться с толпой и делать ноги. Только подожди. – Ника сняла с себя пальто и забрала мою толстовку, вывернула ее наизнанку. Мы переоделись. Подруга посмотрела на меня критически и стянула с моей косы резинку.

– Волосы распустим, чтобы киллер сразу не засек. Брр, – вздрогнула она, – даже не верится, что эти слова я произношу по отношению к нам. Сюр какой-то.

– Сюр. Только Ник, он не должен увидеть нас вместе, – выдохнула я, пытаюсь унять дрожь.

– Глупости... – фыркнула Ника и осторожно высунула нос в приоткрытую щель.

В глаза ударил свет красных фонарей. Разряженные девичьи толпились в очереди в туалет. Символично.

Ника шмыгнула к ним. Я быстро закрыла за ней дверь и провернула защелку.

– Варя! – ударила ладонью подруга с той стороны. – С ума сошла?!

– Уходи! Я – через другой выход. Встретимся у тебя дома. Так безопасней! Не стучи! Не привлекай внимание... Всё, я ушла, – буркнула я в щель и мысленно добавила, пытаюсь не поддаваться накатывающему ужасу: – Я тебя слишком люблю, чтобы подставлять...

Я облизнула пересохшие губы и на цыпочках прокралась к противоположной двери. Потопталась у нее, прислушиваясь. По коридору шныряли люди. Официанты или бандиты? Нет, выходить здесь было полным безумием.

Образ убитого парня встал перед глазами. Разум услужливо уложил меня на его место. Я хлебнула раскрытым ртом воздух.

Только не паниковать! Не паниковать! Но что делать?! Господи, как дышать-то?!

Ах да, пранаяма – она всегда помогает... Я прикрыла глаза, зажала одну ноздрю большим пальцем. Потом другую. Сосредоточилась на дыхании, считая вдохи. Благо, кровь в голове стучала подобно метроному. На вдохе «А-а», «оум» – на выдохе. Скоро мысли перестали метаться по лабиринтам ума.

Возможно, принятое по поводу Ники решение было глупым, возможно, летальным, но смысла рисковать подругой я не видела. В конце концов, я ее покойной матери пообещала беречь. Во сне... Или я воспринимаю сны слишком серьезно?

Где-то грохотала музыка. Подбираясь к дверце, выходящей к туалету под красноречивым фонарем, я молилась лишь о том, чтобы Ника не стала меня поджидать здесь. К

счастью, она все-таки ушла. А очередь в «уголок отдохновения» ничуть не поредела.

Спешно продвигаясь к выходу между танцующими, я прикрывала волосами лицо. На выходе, за стеклянной дверью холла трое пиджачных мужчин пристально рассматривали выходящих девушек. Не церемонясь, хватали некоторых за руки, разворачивали к себе, что-то спрашивали.

Ледяной ком провалился в желудок и разлился холодом по нижней части тела. Я неловко подалась назад. Увидела, как из зала приближаются еще двое с бычьими шеями и цепкими взглядами. Голова закружилась. Я попятилась на непослушных ногах. Чтобы не упасть, ухватилась за кого-то.

– Вы что, меня преследуете? – возмутился баритон. И я поняла, что вцепилась окоченевшими пальцами в рукав белого пиджака московского спонсора.

– Помогите, пожалуйста... – выдавила я сипло.

– В Гринпис обращайтесь, – буркнул он, сбрасывая мою руку.

– Мне только выйти, – еле слышно пробормотала я.

– Совсем обнаглели уже, – фыркнула леопардовая брюнетка, глядя на меня, как на парию.

Они пошли к выходу в сопровождении телохранителей. Но один из них, здоровенный блондин с квадратной челюстью, задержался. Оценив взглядом меня и происходящее вокруг, он что-то шепнул на ухо москвичу. Тот нервно передернул плечами.

В последней надежде я шагнула за ними. Блондин с совершенно безмятежным видом подхватил меня под локоть и шикнул сквозь зубы:

– Головорезы Шиманского ищут тебя?

– Да.

– Прижмись и улыбайся.

С трудом соображая, я послушалась. Улыбаться не получалось. Поэтому я уткнулась носом в теплый твид пиджака, вдыхая запах дорогого парфюма. Так, с полным эскортом телохранителей мы вышли из клуба.

Заметив меня, гориллообразный бандит с торчащей из-под рубашки густой порослью на кистях и шее, двинулся в нашу сторону. По знаку блондина суровый телохранитель с залысины преградил дорогу бандиту.

– Проблемы?

– Телку ищем. На вашу похожа.

Уставившись в гранитную плиту под ногами, я еще крепче вцепилась в предплечье блондина. Тот выпятил грудь и с вызовом бросил волосатому:

– Не знаешь, к кому суешься?

– Мало ли... – слегка растерял пыл тот.

– Много. Хозяину привет, – ответил блондин и протащил меня мимо.

Переступая, как в тумане, со ступени на ступень, я не верила, что вышла из клуба. Скоро ворвавшийся в легкие холодный воздух и ощущение, что опасность позади, позволи-

ли мне придти в себя настолько, что я принялась искать глазами Нику. В конце проулка, на той стороне улицы, почти напротив прохода к служебному входу в клуб, я увидела силуэт. Ника! Фигура юркнула в кусты. За ней кто-то еще... Егор?

И вдруг, у подножья лестницы я заметила трех девушек приблизительно моего роста и телосложения, тоже в джинсах и белых теннисках, с испугом топчущихся между парой головорезов.

«Ищут меня. Сколько их тут?! Целая армия?!» – мелькнула мысль, вызывая новый прилив дрожи.

Тем временем мы пересекли парковку и приблизились к автомобилям. Олигарх, не обращая на меня внимание, сел в белый Бентли. У темного внедорожника блондин спросил, глядявываясь в мое лицо, в котором наверняка не было ни кровинки:

– Подвезти?

Я обернулась на кусты. Там никого не было. Показалось? А если этот Егор действительно гад и что-нибудь с Никой сделает?

Совесьт заскребла по горлу воробыиными лапками. Сама выбралась из клуба, должна и подруге помочь. Если с ней что-то случится, я себе не прощу!

– Меня ждут, – сипло сказала я.

– Подождут, – невозмутимо ответил блондин. – Садись.

Я отчего-то послушалась и скользнула на заднее сиденье

кожаного салона. Блондин – за руль.

– Куда?

– До конца проулка, перед аркой.

– Всего-то?

– Да, меня там ждут, – пробормотала я.

– Как скажешь.

Машина развернулась перед клубом и поехала вслед за набирающим скорость Бентли. Однако спустя минуту мы остановились перед кустами.

– Не передумала?

– Нет, спасибо, – неуверенно проговорила я.

– Вылезай с обратной стороны, чтоб не заметили.

Я прошмыгнула за стриженую изгородь из самшита. Внедорожник неторопливо, словно давая мне шанс передумать, отъехал. А я, изнывая от страха, пригибалась пониже и крадась к кустам, где видела Нику. Женский вскрик заставил меня вздрогнуть и припасть к земле. Тут же окатило мыслью, будто холодным душем: а если это Ника?! И я сама толкнула ее в руки того, кто ее обижал? Боже...

Я поднялась и побежала со всех ног на вскрик. В проклятой темноте ни зги не было видно. Надеюсь, бандитам по другую сторону Садовой меня тоже не разглядеть.

За кустами сирени никого не оказалось. Крик повторился, а за ним шум возни или драки. Это с пешеходной дорожки! Я выскочила под свет фонаря, наткнувшись на подвыпившую пару бомжей. Прямо напротив подворотни, ведущей к слу-

жебному входу в клуб.

– Да вот же она! – раздался издалека грубый голос.

Убийца?! Трое мужчин с оружием в руках бросились ко мне. Не помня себя и не чувствуя тела, я развернулась на пятках и пустилась наутек по боковой улочке. За спиной слышались хлопки. Ледяная от страха и бьющего в лицо ветра, я резво перепрыгнула через скамейку, завернула за угол, потом напролом через газон к покосившимся постройкам. Мат, хлопки, топот, хруст веток – все это слилось в моих ушах в неразличимую кашу. Ясно было одно – меня догоняли!

Я выскочила на дорогу перед бараками. Знакомый внедорожник выехал со стороны Садовой и резко затормозил, преградив мне путь. Распахнулась дверь.

– Залезай, – рявкнул блондин с водительского кресла.

Я влетела на место пассажира и не успела захлопнуть дверь, как кто-то сжал мне горло и дернул обратно. Раздался выстрел. Хватка ослабла, и я полетела спиной на асфальт. Острая боль пронзила затылок. Ночной двор, бараки, квадратное лицо блондина мелькнули перед глазами. И всё исчезло в темноте.

Глава 4. Невероятно, но факт

Тьма отступала... Утро занималось неторопливо.

Преодолев сложные тропы Гималаев, караван из навьюченных лошадей и ослиц направлялся из Непала в город царя Ашоки, великолепную Паталипутру. Погонщики и охраняющие караван воины негромко переговаривались. Можно было не спешить больше – опасные районы, где свирепствовали разбойники, пройдены, и до города рукой подать.

Молодой ювелир Матхурава велел слугам догнать его по дороге в город после привала и поскакал вперед на гнедом жеребце. Ему не терпелось вырваться из унылых предгорий на окутанные благословенным теплом просторы Ганга, чтобы узреть позолоченные деревянные башни, белые ступы храмов и дворцы великой столицы маурьев.

Там за изумруды и рубины, что вез Матхурава, удастся выручить целое состояние. Ювелир и так был не беден, но разве богатства бывает много?

А пока он, статный мужчина с пышными черными усами, кутался в богато расшитый кашемировый плащ и недобро зыркал на нищету очередной деревушки. Усталые женщины в выцветших сари и выдавших виды платках, смуглые неопрятные дети, копошащиеся у хижин с соломенными крышами, сырой туман, растекшийся между улочками, всё это раздражало молодого человека, привыкшего к роскоши.

– Где можно напиться? – спросил он у пучеглазого крестьянина, жующего бетель.

Оборванец поклонился и махнул рукой направо, к лесу.

– Источник там, почтенный господин.

Матхурава пришпорил коня, направив его вдоль по тропинке. Скоро он оказался у зеленых зарослей, окаймляющих небольшую скалу, из которой тонкими струйками стекали по камням хрустальные капли в округлую заводь. Матхурава поморщился, увидев женскую фигурку, накрытую старым коричневым платком.

Услышав топот копыт, маленькая селянка обернулась, и молодой человек опешил. Он, поклонник любовных утех, коллекционирующий красоту соблазненных им женщин, не видел подобного: глаза, лучистые, как прозрачный черный бриллиант тончайшей огранки, огромные, миндалевидные, подведенные бархатом смоляных ресниц, высокий лоб над изогнутыми дугами бровей, прямой нос, пухлые, неестественно красные губы на идеальном овале лица. Девушка была хороша, будто небесная апсара, изгнанная из райских куш за провинность.

Однако, судя по бинди меж бровей, селянка относилась к самой низшей касте – к неприкасаемым. Нечесанные и, возможно, немытые кудри, ниспадающие под платком на плечи, были гораздо более светлого оттенка, чем у столичных красавиц. Как и кожа девушки, такая бывает только у браминов. Это само по себе было удивительным. Как среди бедноты и

грязи появилась такая жемчужина?

Матхурава не мог оторвать глаз от девушки, распускающейся, как бутон розы под утренним солнцем. Она смущенно отвела взгляд, поклонилась богатому господину и, обхватив тонкими пальцами глиняный кувшин, собралась уходить.

Ювелир спешился:

– Постой, красавица, не торопись меня покидать! Разве ты не напоишь усталого путника?

Девочка потупилась:

– Старейшины не велят невестам беседовать с посторонними мужчинами. За это следует жесткое наказание.

– Так напои меня молча, чужая невеста, – улыбнулся в усы Матхурава.

Девушка растерялась, замешкалась, но все-таки протянула ювелиру кувшин. Мужчина жадно припал к воде, не опуская глаз и смущая откровенным взглядом селянку. Она прикрыла лицо платком.

Зная, какая красота скрывается под грубой тканью, путник распалился еще больше. После долгого, трудного путешествия по недружелюбным Гималаям смущение юной красавицы раззадорило молодого сластолюбца и заставило его плоть взволноваться.

Он, наконец, опустил кувшин, опорожнив его на треть, и спросил готовую спастись бегством девушку:

– Скажи мне только, как зовут тебя, чужая невеста, не поз-

волившая умереть мне от жажды?

– Сона, о господин, – тихо и почтительно ответила она.

Вдруг Матхурава понял, что вступил в разговор и испил воды из рук той, которая, согласно дхармашастрам – закону предков, тем самым осквернила его, высшего по касте, вайшью. Необычный облик девушки словно околдовал мужчину, заставив забыть впитанные с молоком матери правила. Теперь ювелир отпрянул и с отвращением бросил кувшин на землю. Тот покатился по влажной от брызг траве, отколов черепок у горлышка и дав трещину при ударе о камень.

– Ты наслала на меня чары, проклятая ачхут?! – вскричал он. – Чем ты опоила меня?!

Девушка задрожала и согнулась в глубоком поклоне:

– Только водой. Как просил благородный господин... Простите, я боялась прогневать вас.

– Разве ты не знала, что не имеешь права осквернять прикосновением высшего? – гневался Матхурава, на самом деле сердясь больше на себя за внезапный жар плоти и невозможное стремление дотронуться до неприкасаемой, до ее ярких губ и юного, будто окутанного сладостной дымкой тела. Он был в ужасе: разве возможен больший грех, чем возжелать грязную от рождения ачхут?! Восхититься ею, как равной, вопреки велениям Брахмы?!

Наверное, демоны-ракшасы окружили эту уединенную поляну перед лесом и напустили на нее ядовитого тумана. Или девчонка действительно была колдуньей, потому что

молодой ювелир потерял голову. Он стиснул кулаки и пошел на юную селянку.

«Никто не узнает», – шептал ему один голос. «Не смей!» – шептал другой.

Неприкасаемая пятилась, в страхе прикрывая голову постоянно сползающим платком. Тот все-таки упал на землю, представив взгляду ювелира лебединую шейку, трогательную и невинную, испуганные, но еще больше светящиеся в ужасе глаза и изящные, будто у танцовщицы руки, обхватившие юную грудь.

Страсть застала все табу. Молодой вайшья не мог больше противостоять желанию, еще большему от осознания того, что готов сделать запретное, ведь человек его ранга не мог бы даже купить как рабыню ее – красавицу, по рождению отверженную обществом.

– Ты должна отплатить, – бормотал он в пылу, прижимая к себе отбивающуюся девушку, – ты осквернила меня. И я могу побить тебя камнями... Ты – проклятая... и такая сладкая... Такая... сладкая...

* * *

Я открыла глаза и почувствовала тупую боль в затылке. Где я? И что это сейчас было? Кажется, в ноздрях еще остался запах тумана, влажной зелени и горячего тела...

Сквозь прищуренные веки виднелись бежевые в полосуку

стены с золотым тиснением, темно-шоколадного цвета портьеры, задвинутые наглухо, комод, шкаф, тумбочка, как из каталога итальянской мебели. Голове почему-то было очень холодно. Я попробовала приподнять ее, и затылок прорезала боль. Рука метнулась вверх, нащупала обернутый в полотенце лед.

– Тихо-тихо, – кто-то вернул меня на подушку, – не стоит так резко шевелиться. Тошнит?

Я подняла глаза к говорящему: немолодой мужчина домашнего вида в спортивном костюме и тапочках участливо смотрел на меня.

– Немного, – ответила я, подумав. – Кто вы?

– Доктор, – послышался мужской голос откуда-то слева, смутно знакомый.

– Да, я врач, просто врач, – покорно подтвердил мужчина передо мной, словно уговаривал меня поверить.

Он наклонился ко мне и распахнув пальцами веки, внезапно посветил фонариком. Я отпрянула. Врач придержал меня заботливо, пощупал пульс.

– Аккуратненько. Надо лежать. Без сомнений – у вас сотрясение.

Опираясь на устойчивую боль в затылке, как слепой на клюку, я начала медленно поворачивать голову. Скользнула взглядом по высокому потолку с лепниной, по люстре с подвесками, не в силах справиться со странным ощущением. Предгорья Гималаев, брызги из ручья и острое сожаление о

непоправимом сейчас казались гораздо более настоящими, чем эта неизвестная комната с незнакомыми людьми.

В кресле сидел спасший меня блондин. Он встал и подошел к кровати – под свет бра. Я, наконец, смогла хорошо его рассмотреть: лет под сорок, ровный нос, глубоко посаженные серые глаза, светлые брови, короткая стрижка, массивная нижняя часть лица, как у тяжелоатлетов, и маленькие уши. Весь его вид выдавал уверенность и сквозящую сквозь видимое спокойствие готовность к чему угодно – даже в толпе по такой едва уловимой напряженности и повышенной внимательности за черными гвоздиками зрачков можно легко угадать телохранителя или спецагента.

– Наша пациентка пришла в себя, – заметил блондин, – мы с ней поболтаем немного. Георгий Петрович, оставьте нас, пожалуйста.

Доктор послушно направился к двери, задержавшись лишь на секунду.

– Если девушке станет хуже, я в соседнем номере.

Блондин кивнул и обратился ко мне:

– Давай без интермедий. Я спас тебе жизнь. Ты мне должна. Так что рассказывай, чем насолила Шиманскому. Как на духу.

Под прицелом его глаз было неуютно. Борясь с головной болью, я осторожно села и оперлась о спинку кровати.

– Кто такой Шиманский? – пробормотала я. – И кто вы такой?

Блондин медленно принялся закатывать рукав рубашки, обнажив крупные часы на запястье. В памяти высветилась рекламная иллюстрация с бравым моряком на фоне волн, которую недавно доводилось переводить – совершенно такой же. Занимаясь вторым рукавом, блондин продолжил:

– Не люблю, когда из меня делают дурака. Люди Шиманского пытались тебя прикончить. Одному почти удалось. За что? Ногу на танцах отдала?

Я закашлялась, в горле отчаянно запершило – как раз в том месте, куда давили пальцы нападавшего.

– Не знаю никакого Шиманского. – Я пыталась звучать убедительно, хотя казалось, что мне все равно не поверят – такое же чувство я вечно испытывала у врача в детской поликлинике: вроде и болела на самом деле, а не могла отделаться от мысли, что симулирую. Я повторила: – Я не знаю, кто такой Шиманский. Но видела, как мужчина средних лет, очень похожий на криминального авторитета, застрелил парня на заднем дворе клуба. В желтом пиджаке. Парень в желтом пиджаке... Был... Потом убийца увидел меня. И все началось. И... я благодарна за спасение, но прошу вас не фамильярничать.

Брови блондина изумленно взметнулись.

– Убийство? Если Шиманский... И если ты его правда не знаешь, отчего сказала иначе в холле?

– Мне надо было выйти из клуба. В тот момент я бы Обаму назвала другом детства.

Блондин одобрительно усмехнулся. Затем пошарил в кармане и вытащил телефон.

– Сейчас я покажу тебе Шиманского. Скажешь, он был или не он... Погоди.

– А мой телефон? – Я опустила пальцы в карман Никитино пальто, лежащего рядом на тумбочке, и выудила свой смартфон. – Я вам сама покажу. Так получилось, что я сняла убийство на камеру.

Мой собеседник присвистнул.

В глазах рябило, и я не могла сфокусировать зрение, чтобы выбрать видео из медиа-галереи. Блондин не выдержал и изъясился у меня мобильный. Пощелкав пару секунд, он уставился на экран и снова присвистнул.

– Вы отвезете меня в полицию? Надо сообщить, – облизнув пересохшие губы, сказала я.

– Не надо в полицию, – тихо ответил блондин, не отрываясь от просмотра. – Да, это Шиманский. Он – сам полиция.

– В смысле?

Блондин поднял голову и, глядя исподлобья, проговорил медленно, почти по слогам, будто азбучную истину:

– Местные власти надо знать в лицо. Это полицейский генерал, одна из шишек вашего региона.

– Не бандит? – Кажется, я глупо моргала, не понимая, зачем меня разыгрывают. – Вы не обманываете?

– Зайди в интернет и полюбуйся, – склонил голову блондин.

В комнату ворвался высокий мужчина в наскоро наброшенной рубашке. Я узнала олигарха. Он полоснул по мне взглядом и коршуном налетел на блондина:

– Сергей, зачем ты притащил ее сюда? Что вообще происходит?! Айболит сказал, я не поверил...

– Валера, не кипятись, – остановил его, спокойно подняв ладонь, блондин. – Ты хотел подарок судьбы? Вот тебе подарок судьбы.

– Пионерка?! На кой она мне?!

Блондин протянул ему мой смартфон и с расплывающейся на лице улыбкой пояснил:

– Это не пионерка. Это козырь в рукаве! Да еще какой козырь – туз! Смотри, что она записала.

Бурля гневом, Валерий мельком взглянул в экран, потом вперился в него своими огромными глазами, которые, казалось, с каждой секундой становились все больше.

– Черт бы меня побрал... – пробормотал он и зыркнул на меня: – Вы все видели? Это вы снимали?

– Да, – ответила я чуть слышно.

Если у блондина взгляд был прицельный, то у этого – огненный. Сведенные на переносице брови, темные глазищи, подведенные черными, будто бархатными ресницами. Мне опять стало не по себе, будто я лгу, и меня вот-вот выведут на чистую воду. Я автоматически обхватила себя руками и сжалась. Утешало только одно: эти двое убивать меня не собирались... А как же полицейский генерал?

Мужчины, похоже, подумали о том же самом. Они посмотрели друг на друга, на телефон, и блондин заявил:

– Ну, как там тебя...

– Варвара.

– Попала ты, Варя! Реально попала. Шиманский свидетель в живых не оставит.

Я догадалась об этом и сама. Но произнесенное вслух, жуткое предположение стало реальным. Мысль «этого не может быть со мной» внутренний критик обозвал банальной еще до того, как она набатом забила по черепу. Но мне наплевать было на критика.

Разве может глупое стечение обстоятельств стоять мне жизни?! Я же еще ничего не успела... Что теперь делать?! Куда бежать из гостиницы, за плотными портьерами которой нависла опасность?

Она неожиданно материализовалась болью в затылке и холодом льда на голове, атласом, скомканным в похолодевших пальцах, присутствием этих людей...

«Меня хотят убить», – тупо пульсировало в висках и заволакивало всё вокруг мрачным туманом.

– Я никому не скажу. Я... – проговорила я так тихо, что возможно мужчины и не расслышали меня, и громче всхлипнула: – Моя подруга!

– При чем тут подруга? – поинтересовался Сергей. – Она тоже видела?

– Нет, но... Мне надо домой... Надо найти подругу... Она

была со мной... – бормоча это, я медленно опустила на пол ноги и встала. Пол подо мной зашатался и начал уплывать в сторону. Ноги, внезапно ватные, словно у раджастанской тряпичной куклы с выставки, подогнулись. Сергей не дал мне упасть и вернул на кровать.

– Какой домой? У тебя голова разбита. Доктор сказал лежать, значит, лежи.

– Домой... – вяло промямлила я, чувствуя, что вся превращаюсь в куклу, набитую ватой. Наверное, и выгляжу так же нелепо.

Валерий пристально смотрел на меня. Без сочувствия, но и без презрения.

– Сергей, выйдем.

– Домой будет потом, – добрее кивнул мне блондин и погрозил пальцем: – А теперь лежать.

* * *

Они вышли. Откуда-то из-за стены слышалось оживленное обсуждение, а я уставилась на завитушку на углу шкафа, полированную, из темного дерева, фривольную и абсолютно неуместную здесь. И сейчас.

В голове мелькали эпизоды из сериалов о ментах и расследованиях, которые безостановочно смотрела в выходные нагрянувшая из деревни с детьми кузина Ира. Все проблемы, домашние размолвки с младшим братом, недовольство

зарплатой и отсутствие бойфренда показались безделицей. В жизни было так много хорошего!

Но если меня убьют, что скажут маме? У нее больное сердце. А папе? Пусть я звоню ему не часто, но все равно... Вспомнилась Янина: она же ясновидящая, отчего не предупредила меня? Или не так уж ясно она видит?

В мысли врезался парень в желтом пиджаке, его остекленевшие глаза и лицо в луже, тело внезапно и бесповоротно похожее на выброшенный хлам, обернутый в модное тряпье. Я буду лежать так же?

По спине пробежал холодок. Будет больно? Я боюсь боли...

Этот человек из полиции. Значит, запросто меня разыщет, если верить фильмам. Достаточно подключить следователей, просмотреть камеры видеонаблюдения и допросить тех, с кем я общалась в клубе. К примеру, Николая...

Острый страх гнал меня спрятаться под кровать, как в детстве. Или хотя бы под одеяло. Сбежать, зарыться, стать невидимкой... Лишь остатки здравого смысла удерживали на месте.

А, может, уехать к маме под Краснодар? Или к друзьям-кришнаитам, осваивающим дикую жизнь в горах? Наверное, надо к ним... Где взять денег на дорогу? В кошельке осталась только сотня. Автостопом?

Паника заплескалась в горле, комната мерцала перед глазами, вопросы без ответов сыпались сами собой. Когда я бы-

ла уже погребена под ними, дверь распахнулась. У выхода Сергей подпер спиной стену, засунув руки в карманы. Валерий приблизился ко мне и сел в кресло напротив.

– Болит голова? – равнодушно спросил он.

– Немного.

– Мой личный врач, Георгий Петрович, окажет вам помощь. Но для начала нужно кое-что обсудить.

– Что?

– Сотрудничество.

В лучах настенной лампы глаза моего собеседника, лишенные ярости, отсвечивали так, что выглядели прозрачными, как бы странно это ни звучало. Они напоминали дымчатый, очень темный топаз. Или редкий черный бриллиант. Я хорошо разбираюсь в камнях.

– Слушаю вас. – Я опять с трудом села – лежать перед незнакомым мужчиной, тем более перед этим, не представлялось мне возможным.

– Получается, у нас с вами есть общий враг – Шиманский, – сказал Валерий. – Мне нужно, чтобы вы выступили свидетелем в суде. Я планирую инициировать против нечистого на руку генерала судебное разбирательство. Это не просто. Для сбора материалов и подготовки понадобится время.

– Как же...? – начала было я, но москвич взглянул на меня, как на проштрафившуюся подчиненную, и договорить не получилось.

– В нашей стране нет такого института, как защита свидетелей, – продолжил он. – В данном случае полиция для вас опаснее банды. Но я предлагаю выход. Если согласитесь дать показания в суде против Шиманского, я, в свою очередь, гарантирую вам безопасность. До суда.

– А после?

– После тоже в долгу не останусь. Размер денежного вознаграждения готов обсудить. Если удастся засадить Шиманского, а такова цель, – защищать вас больше не понадобится. Единственное условие – до суда никто не должен знать, где вы и что с вами.

– Не получится. У меня семья, близкие... Я не могу их бросить. Прежде всего, я их содержу.

– Вот как? – удивился брюнет и пожал плечами – Ну, если вы готовы сложить голову во имя семьи, Бога ради. Кто вас осудит? Может, даже поставят памятник. Только учтите, что бедным родственникам придется искать деньги на ваши похороны, потом на оградку и на то самое надгробье. Вы им точно уже не поможете.

– Как вы можете говорить так...

– Разве я сказал неправду? Нет, возможно, вы оставите семье наследство. Но глядя на вас, – с новым налетом презрения он взглянул на мою заляпанную грязью одежду, – сомневаюсь, что вы завещаете им сокровища в стуле или виллу на Багамах. Однако, вы уже видели, как охотно уничтожает врагов Шиманский. Не бойтесь, что помимо вас рикошетом

и вашу семейку заденет?

И я его возненавидела. Особенно потому, что он был прав. Во всем. Я – бедна, я опасна для родных, я не проживу и дня без посторонней помощи.

– Кем был тот парень в желтом пиджаке? – надтреснувшим голосом спросила я.

– Кто?

– Убитый.

– Понятия не имею. Какая разница?

– Выясним, – встрял в разговор Сергей.

– Итак, что вы решили? – продолжал давить Валерий. – Жить или ускорить собственные похороны?

Я молчала. В затылке ломило и мысли путались. Всё во мне восставало против предложения олигарха, но был ли у меня выбор? У меня здесь друзья, Ника, семья, работа, квартира, все бросить вот так – с одного маху? Голова закружилась еще сильнее, напоминая об ударе и о том, что от смерти меня отделял один шаг. И если бы не выстрел... Кстати, а кто стрелял?

– Это вы застрелили того, кто напал на меня? – обратила я взгляд к Сергею.

– Ранил.

– То есть вы тоже...

– Я – начальник охраны человека, на которого уже совершалось покушение. Как, по-твоему, я должен отбиваться при случае палкой?

Я сглотнула: слишком много стрелков за один день.

– Тебе не о чем раздумывать, – спокойно добавил блондин. – Предложение Валерия – твой единственный шанс в сложившихся обстоятельствах. Считай, тебе повезло.

Да уж, действительно повезло... Я посмотрела на своего спасителя – в отличие от олигарха блондин не вызывал во мне негодования, скорее, наоборот. Если бы предложение исходило от него, я бы уже согласилась.

– Вы будете заниматься моей охраной?

– В том числе.

– И где вы планируете меня прятать?

– А вот этого никто вам не скажет, – буркнул Валерий. – Я не планирую подставляться, если вы, как в дурацком боевике, вдруг решите сообщить близким подробности.

– То есть вы хотите, чтобы я отправилась неизвестно куда, неизвестно с кем и неизвестно ради чего? – вспыхнула я.

– Известно, ради чего, – так же гневно ответил Валерий. – Я вам нужен больше, чем вы мне!

– Как я поняла, я вам тоже нужна. Как свидетель. Такие люди, как вы, ничего не делают без выгоды!

– Всё. Надоело. Соскребайте сами мозги с асфальта, и о помощи не просите в следующий раз... – Валерий развернулся и пошел к двери.

Я глотнула воздуха, понимая, что поступила глупо, и удивляясь себе. Раздражение, которое вызывал во мне этот человек, выходило за рамки: так выводит из себя дрель сосе-

да, решившего, что в воскресенье на рассвете стены мягче; так сводит с ума скрежет вилки по стеклу, и комар, зудящий над ухом в летнюю ночь.

– Рекомендую успокоиться, – преградил путь боссу Сергей. – Валера, не дави на девушку. У нее шок плюс сотрясение мозга. – Он посмотрел на меня: – И ты тоже не кипятись. Подумай, Варя, но не долго.

Его голос успокаивал. Возможно, судьба дает мне шанс просто выжить? Сейчас. Потом сориентируюсь. В крайнем случае, убегу к кришнаитам в горы. Я закрыла глаза на секунду. Открыла их и сказала:

– Хорошо. Только мне нужны гарантии. В письменном виде.

– Договор к утру подготовит мой юрист, – бросил Валерий.

– И я хочу предупредить своих близких сразу, что я жива. Увидеться...

– Исключено.

– Смски хватит, – сказал блондин. – Я отправлю.

Они вышли из номера, так и не оставив мне телефон. Впрочем, сил с ними спорить у меня больше не было. Откинувшись на подушку, я вдруг вспомнила свое желание, высказанное этим утром дома брату и кухне после очередной претензии: «Вот и пожилы бы сами, без меня! Видеть вас всех не могу!» И от того, что теперь так и будет, стало нестерпимо страшно.

Глава 5. Похищение под разным углом

Двигатель частного самолета мерно гудел. За стеклом иллюминатора плыли облака, то взбитые пеной, то похожие на небрежно оторванную вату. Салон с кожаными креслами цвета слоновой кости был роскошен, как свадебный лимузин, разве что с округлыми оконцами, высоким потолком, без шампанского и, собственно, без новобрачных. Валерий и Сергей вполголоса переговаривались в передней части салона. До меня доносилось еле слышное:

– Ограбление склада конфискацией не назовешь. Всю партию, сволочи, вынесли. Лена прислала накладную от китайцев. Это «та самая» партия. Угораздило нас.

– М-да. И Терёшкин явно лжет. Давай запихну его в подвал и подержу, пока не расколется, куда дел телефоны, – отвечал блондин.

– Не расколется. Боится чего-то. И сильно боится.

– А если припугнуть сильнее? Надавить на болевые точки?

– Кто-то их знает лучше тебя. И это твой косяк, товарищ начальник охраны. Сделаем вид, что поверили, но расследование продолжим.

– Хорошо, Семену доверю. Он – самый толковый. И, глав-

ное, из Ростова.

– В крайнем случае, и подвал подойдет. Этот товар неизвестно где всплыть не должен...

«Странные разговоры», – подумала я. Казалось, я попала в параллельную реальность – в моем мире не бывало ни грабежей, ни пропажи товара целыми партиями, ни подвалов, ни расследований. До сих пор не было... Но напротив меня доктор Георгий Петрович вполне обыденно читал газету и попивал кофе. Четверо телохранителей остались вне поля зрения.

Стюардесса поставила передо мной на столик стакан свежавыжатого цитрусового сока и улыбнулась так любезно, что я засомневалась, со мной ли всё это происходит. Казалось, открой глаза, и морок развеется, оставив муторное послевкусие сна. Беда в том, что я не спала. Я вновь и вновь перечитывала договор, который уже подписала. Хотелось отобрать отданный экземпляр с криком «Я передумала», потому что подвох мерещился в каждой запятой. Почти как Фауст, продавший душу за прелести жизни и пожалевший об этом, я готова была сказать демоническому большеглазому красавцу: «Остановись мгновенье» и спрыгнуть с самолета. Мое сердце трепетало от страха, готовое замереть навсегда. «Обеспечение безопасного места проживания» виделось неприступным замком, окруженным рвом и каменной стеной, острыми зубцами царапающей небо. «Соблюдение конфиденциальности» и «полное следование мерам предосторожности, необ-

ходимым для защиты контрагента» представлялось как добровольное согласие сдать в плен. «Денежное вознаграждение в размере десяти тысяч долларов» пахло хуже, чем тридцать сребреников, пусть я и не предавала никого. Или все же предала? Своих предала... Нику... Маму... Они сойдут с ума до этого суда. Разве смска с текстом: «Со мной все в порядке. Я уезжаю на некоторое время» может их успокоить? Разве они поверят, что все со мной хорошо? Разве это похоже на меня? А где брат и кузина возьмут средства для жизни? Кто поможет маме с дорогими лекарствами? Как объяснить им потом? А на работе висит перевод, который надо сдать послезавтра...

Представилась Янина, говорящая: «И этому я учила тебя? Зачем ты пришла ко мне, если у тебя закрыто сердце, и ты думаешь только о себе? Перечитай об Иуде, сделай выводы. Тебе пора...».

Я стиснула влажными пальцами подлокотники: простят ли мои эту ошибку? А если нет... Кто я – без семьи, без друзей, без учителя, без всего того, что так кропотливо и долго выстраивала? И стоит ли купленная пустота слез тех, кого я люблю? Но ведь иначе меня в самом деле могут убить!

Ужасно хотелось перевести бегунок времени на самое начало злополучного дня, как на видео в Ютубе, и всё сделать иначе. Жаль, прошлое нельзя пережить дважды, нельзя выбрать другой поступок и просмотреть альтернативный вариант собственной жизни...

– Вы побледнели, Варенька, вам нехорошо? – участливо спросил Георгий Петрович. – Опять тошнит?

– Нет-нет, я в порядке, – сказала я и для верности отпила сока, отдающего горечью грейпфрута.

Не желая вступать в разговор или обижать доктора односложными ответами, я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. По крайней мере, в ближайшее время я буду настолько жива, что смогу сожалеть о содеянном. Возможно, мы живы, пока страдаем... Или, наоборот, мы ищем страданий, чтобы чувствовать себя живыми.

* * *

Я не могла знать о том, что через четверть часа Ника будет стоять перед окошечком в полицейском участке и, притопывая от нетерпения ногой, утверждать, что ее подругу похитили. Полусонный полицейский ответит ей, что заявления о пропаже принимаются только через три дня после исчезновения. Ника упомянет перестрелку в ночном клубе «Реальная любовь», и полицейский внезапно оживет, пробежит пальцами по кнопкам серого телефона и велит Нике никуда не уходить.

Вежливый следователь усадит мою подругу на стул в только что отремонтированном кабинете и расспросит подробно о событиях вечера. Об убийстве, свидетелем которого она сама не была. О пропавшей подруге. О мобильном телефо-

не с записью. О тех, с кем Ника видела меня, прячась в кустах сирени. О внедорожнике, куда я села, покинув клуб, и о блондине-водителе, похожем на немецкого Джеймса Бонда. Приятный во всех отношениях следователь подробно запишет показания в блокнот с гербовой синей обложкой и золотым тиснением. И Ника, удивляясь, как хорошо нынче одеваются полицейские, подпишет заявление. Но не заметит, что лист опустится в отдельную папку и вовсе не будет подшит к новому делу.

А на крыльце кирпичного трехэтажного здания полиции Нику встретит молодой человек с видом менеджера средней руки.

– Егор? – изумится моя подруга, нервно запахнув куртку. – Что ты тут делаешь?

– Я по работе, – помнется он и тут же исправится: – На самом деле, я тебя искал.

– Здесь?

– Ну, ты же спросила вчера в кустах, где находится полиция. Я решил, что ты придешь с самого утра. А если что, дождусь. Ты так внезапно вчера исчезла, когда я пошел к твоей подруге. Но она уехала. Я вернулся, а тебя нет...

– Хм... А если бы я не пришла?

– Тогда бы мне не удалось вернуть тебе это. – Егор вытаскивает из-за спины черный клатч с серебряным замочком.

– Моя сумочка! – всплеснет руками Ника. – Как ты?! Где?!

– Просто ты дала очень хорошее описание. А «завсегдаев»-карманников в таких заведениях я знаю наперечет.

– Откуда?

– Это был мой район. В смысле, когда я работал в полиции.

– Надо же. Переметнулся на другую сторону?

– Да нет, – скривит гримасу Егор, – просто обрыдло дань собирать. Не для того юрфак заканчивал. Я в хорошую фирму юристом устроился. – Он взглянет виновато, но не пряча глаз, и скажет: – Ты прости меня за вчерашнее. Я принял тебя не за ту...

Ника гордо вскинет подбородок и выпалит, разозлившись:

– Я что, похожа на проститутку?

– Прости, нет. Я не то хотел сказать. С этой работой я забыл совсем, что приличные девушки тоже бывают... Ну, и такая юбка короткая, и ты улыбалась так, что я решил, будто можно... Правда, прости! Чувствую себя последним мерзавцем. Стыдно.

– Спасибо за сумку. Пока, – скажет Ника и неторопливо пройдет мимо него дальше по улице, засаженной акациями.

Егор догонит ее и попросит пылко:

– Пожалуйста, дай второй шанс! Честное слово, я докажу, что я не такой...

– Мерзавец? – засмеется Ника слегка вызывающе.

– Пусть мерзавец. Да, я – не ангел совсем. Но не для тебя.

Для тебя никогда больше, слово даю, – смутившись, ответит Егор.

– Ценю честность, – ответит Ника и не заметит, как несколько минут спустя будет рассказывать по дороге к остановке о том, что я пропала, о вежливом следователе, при имени которого молодой человек снова скривится.

Несмотря на волнения ночи, утро насытит свет. А солнце согреет землю, чтобы убаюкать дремлющие в ее недрах семена и с жадностью выпить капли росы на траве...

* * *

Солнце с жадностью пило капли росы на траве. Его лучи проникали сквозь ветви баньяна и ложились на землю неровными пятнами. Насытившись сладостью юного тела, Матхурава размяк и поддался неге. Но блаженство удовлетворения длилось лишь пару мгновений, ибо сквозь затуманенный ум до него донеслись тихие всхлипывания девушки.

Словно раскатом грома его поразила мысль: «Что ты наделал?!»

Ювелир подскочил на пригорке, устланном мягкой, как зеленый ковер, травой. Богато украшенный тюрбан сбил воздушный корень баньяна, свисающий подобно змее, с высокой ветки. Матхурава не придал тому значения. Обернувшись на плач: селянка не убежала от него. Опозоренная чужая невеста дрожащими руками пыталась натянуть на грудь и

живот выцветший синий камиз, хваталась то за платок, то за шальвары, распластанные в зелени.

«Что ты наделал?! – возопили боги, взывая к Матхураве, а, может, то вопила его совесть. Спасаясь от нее, разум тотчас обратился хитрой гадюкой и отравил сознание ядом самооправдания: „Это она осквернила меня! – твердил ювелир, с готовностью веря подсказанным мыслям: – Околдовала чарами, призвала Мару... Эта ачхут – ведьма! Из-за ее дьявольской красоты мое тело пропитала скверна. Что, если узнают люди о том, что я прельстился женщиной низшей касты?! Меня проклянет мать, отвергнет семья, и никто из уважаемых людей не сложит ладони в „Намасте“ для приветствия...“»

Девушка смогла одеться и, опираясь о ствол дерева, встала, чтобы уйти.

– Ты никому не расскажешь об этом! – преградил ей путь Матхурава.

– О позоре не говорят... – прошептала Сона. – Но если жених поймет, что я больше не невинна...

– Старейшины накажут тебя. И никогда не поверят, что благородный господин снизошел до связи с тобой, – надменно сказал Матхурава. – Так что постарайся, чтобы жених не узнал! Запомни, ты никогда меня не видела!

– Не видела, господин, – склонила голову девушка и затряслась в беззвучных рыданиях.

Матхурава кивнул и сел на коня, отбивающегося хвостом

от назойливой мошкары. В затылок, не прикрытый тюрбаном, ударило жаром солнце. Ювелир поискал глазами потерянный головной убор и понял, что чувствует себя гадко, словно испитый им нектар превратился в гнилой болотный ил.

Матхурава мог тронуться в путь, но что-то держало его здесь. Он молча наблюдал, как тонкая фигурка, пошатываясь и тщательно кутаясь в коричневый платок, идет обратно к источнику.

Сона подобрала кувшин, треснувший, но не разбившийся. Трясущимися руками набрала воды и, поставив на плечо, направилась по тропе к деревне.

Матхурава знал, что девушка не проболтается. И даже если пожалуется кому-то, к ней не прислушаются: кто такая она – неприкасаемая нищенка, и он – уважаемый вайшья. Но внезапно мысль о том, что другой мужчина будет обладать этим сладостным телом, что какой-то презренный оборванец, а не он, благородный Матхурава, будет испивать ее нежность и питаться теплом юных губ, свела грудь мужчины и сбила дыхание.

«Если будет при мне, точно не проболтается», – решил торговец драгоценностями, вновь начиная дышать. «Все средства хороши, лишь бы они вели к цели», – учит царей и политиков мудрый Каутилья³.

³ Каутилья – философ, автор «Учебника для царей», индийский «Макиавелли».

Забыв о потерянном тюрбане, Матхурава прищпорил жеребца и быстро нагнал селянку. Она не успела ничего сообщить, а мужчина подхватил ее и усадил на коня. Девушка вяло сопротивлялась, но ювелир сжал ее руки с силой и зло бросил:

– Не смей противиться господину! Со мной поедешь. – Он развернул коня и поскакал к лесу.

– Но я никому не скажу, – запричитала девушка, – клянусь именем Вишну! Отпустите меня, пожалуйста, умоляю вас! У меня четверо сестренок и маленький брат, у меня болен отец! Что станет с ними, если вы убьете меня, о господин?

– Я не стану тебя убивать. Только увезу из этой дыры.

– Но они умрут с голода! Они еще малы, и не заработают на кусок хлеба, а отец совсем плох, смилуйтесь, господин! Молю вас! Я никому не расскажу, никогда! Если решат, что я сбежала, старейшины жестоко осудят мою семью, или даже побьют камнями. Сестры никогда не выйдут замуж, опозоренные, а брату не дадут достойную невесту. Сжальтесь над нами, о господин! У вас все есть, а мы бедные крестьяне. Я буду молиться за вас всю жизнь, приносить Вишну лучшие фрукты и цветы за ваше здоровье, только отпустите меня!

– Молчи, проклятая ачхут, не то я высеку тебя хлыстом. Я все равно не оставлю тебя здесь! Прими свою участь покорно, презренная.

– Но я же неприкасаемая, – попробовала последний довод Сона, омывая щеки слезами, – а вы благородный господин...

Отпустите меня, боги простят вас...

– Если зайдешь по колено в грязь, уже не страшно войти в нее и по пояс, – буркнул Матхурава и прижал еще сильнее к себе рыдающую Соню.

Его кожи коснулся ее светло-каштановый локон, и запах, подобный легкому аромату жасмина, левзеи и сандала долетел до его ноздрей. Сквозь темноту злого умысла душа похитителя возликовала от мысли, что красавица теперь будет принадлежать только ему. И никому больше! Никогда!

Ювелир не слушал свое сердце. Его тонкий голос и не слышен был больше за звоном алчности и порока. Он, Матхурава, будет владеть красотой один, чего бы это ему ни стоило! Пусть придется скрывать ее ото всех – в его огромном доме найдется укромное место для девушки! Пусть гневаются боги и говорит совесть о плохой карме – он откупится, пожертвует на храм много рупий и возложит драгоценные жертвы на алтарь богов! Ведь никто добровольно не выбросит обратно в грязь найденный алмаз небесной чистоты и прозрачности. Никто не поделится бесценным черным бриллиантом. Особенно похищенным из чужой сокровищницы...

Ювелир скакал на коне так быстро, словно за ним послали вдогонку сотню воинов на слонах. Он забыл, что договорился встретиться со слугами у тринадцатиметровой колонны⁴ царя Ашоки. Он не думал, что скажет охранникам у город-

⁴ Информационные колонны, рассказывающие о высших истинах и духовных изысканиях царя Ашоки, призванные развивать население.

ских врат. Он не слышал причитаний и плача похищенной девушки, потому что страсть застила его разум. Ветер бил Матхураве в лицо, развевал кудрявые черные волосы. Наконец, деревянный частокол и белые башни показались в знойной дымке – ювелир выдохнул: Паталипутра – звезда великой Магатхи⁵!

* * *

Вместе с самолетом я провалилась в воздушную яму и очнулась. Будто не задремала на несколько минут, а перенеслась из другой реальности в эту. Легкий запах сандала витал в салоне. Я распахнула веки и тут же застыла под взглядом больших темных глаз. Валерий склонился надо мной и смотрел с интересом:

– Что такое Магатха?

– Я разговаривала во сне? – опешила я, вжимаясь в спинку кресла, чтобы отдалиться хоть на сантиметр от него.

– Еще как! – усмехнулся Валерий. – Кого вы там собирались увозить? Из какой дыры?

Я не знала, что ответить, внезапно рассмотрев в темных прозрачных глазах, похожих на черный бриллиант, нечто болезненно знакомое.

– Кстати, рекомендую не разбрасываться конфиденциаль-

⁵ Магатха – государство, почти полностью занимающее территорию современной Индии, империя династии Маурьев.

ными документами. Это ведь ваш экземпляр?

Валерий подал оброненный на ковровую дорожку лист договора и случайно коснулся моей кисти. Необъяснимое чувство лишило меня дара речи, позвоночник пронзило горячей волной, кожа покрылась мурашками.

Олигарх взглянул на меня, может, чуть дольше и чуть внимательнее, чем раньше, а затем пожал плечами:

– Ну, не хотите, не отвечайте. Только до суда придется отмереть.

Глава 6. Дом торговца мечтами

Нас занесло лишь в Подмоскowie. На всякий случай я отмечала за окном автомобиля раскрашенный осенними красками лес, пасмурные улицы, чуть более серые, чем в нашем южном городе; дома, радующие глаз благополучием и разнообразием архитектуры, людей в пальто и куртках, обилие автомобилей...

Мы снова проезжали лес: величавые, мрачноватые сосны и светлые просветы осыпанных золотом берез. По-европейски идеальный асфальт, опровергающий высказывание о российских дорогах, давал надежду и на отсутствие дураков.

Кованые ворота с вензелями пропустили наш кортеж. Дюжина охранников, похожих на спецназовцев, выстроилась по струнке, когда мы въезжали на территорию экспроприированной части соснового бора.

Скоро вдаль показалось открытое пространство. Автомобили миновали стриженные конусообразные и круглые кусты чего-то вечнозеленого, обогнули ухоженный газон с мертвым мраморным фонтаном по центру и остановились перед светло-серым особняком на высоком фундаменте, облицованном диким камнем.

Я задрала голову, рассматривая стрельчатые арочные окна чердачного этажа под темно-коричневой крышей. Затем перевела взгляд на сдержанные колонны, поддерживающие

широкий навес над парадным входом, углубленным между двумя прямоугольными башнями. Те важно выступали навстречу гостям, словно пытаясь задавить респектабельностью и белым мрамором расширяющейся книзу лестницы.

– Прошу, – Сергей распахнул передо мной дверцу Мерседеса.

Холодный ветер дунул в лицо, разметал над головой пряди волос и заставил пожалеть об отсутствии шапки. Хотя шапки я ненавижу с детства...

Валерий выбрался из первой машины кортежа и взбежал по ступеням. Сразу стало ясно, что он дома. Высокие двери приветственно распахнулись. Олигарх остановился на пороге, обернулся. Постукивая тонкими пальцами по торцу дубовой двери, посмотрел на меня, на бессловесных телохранителей и покряхтывающего Георгия Петровича. Потянул ярко-синий шарф с шеи и стремительно шагнул внутрь с таким видом, словно сейчас сбросит на ходу туфли, всунет ноги в тапочки и потребует чаю с плюшками у домашних. А гости... да черт с ними – пусть разбираются сами.

Я бы больше удивилась, прояви он гостеприимство. Невроятным было то, что он решил укрыть меня от преследования в своем особняке, а не в каком-нибудь придорожном мотеле или уединенном домике егеря, как мне представлялось. Впрочем, судя по ограждению, количеству охраны и камер, именно здесь обеспечить обещанную безопасность было проще всего. Я напомнила себе, что за это стоит быть

благодарной и, ежась от холода, пошла за Сергеем.

Но я не сделала и пары шагов, как картинка перед глазами зарыбила и изменилась, словно из-за поломки телевизора один канал наложился на другой: вместо затянутого тучами неба грянуло безжалостное солнце, бело-желтые строения, выложенные из обожженного кирпича, заменили собой недружелюбный фасад; зажурчала вода в сточном канале, замерцал залитый светом квадратный двор с колодцем посередине. Почти касаясь турбанами утоптанной земли, склонили в приветствии загорелые спины слуги в белых набедренных повязках... От неожиданности я отшатнулась и схватилась за кого-то рядом.

– Что с вами? – послышался голос Сергея. – Георгий Петрович!

Мгновенно вернулись серость подмосковной осени, дом миллионера и мраморные ступени. Мои пальцы вцепились в рукав куртки начальника службы безопасности.

– Извините, – пробормотала я и отпустила его. – Голова закружилась.

– Вам надо лежать, – подхватился рядом розовощекий доктор, – только лежать. Сотрясение серьезное. Потерпите немножко, Варенька! Сейчас определим вас в гостевую спальню, и отдохнете с дороги. Обопритесь о меня и о Сережу.

Они подали мне согнутые в локтях руки. Я улыбнулась через силу и приняла предложенную помощь как раз вовремя,

ведь мраморная лестница превратилась в узкую каменную. Запахло песком, потом, чем-то пряным потянуло от установленной у стены печи. Я едва не крикнула слугу по имени Гупта, чтобы забрал поводья из рук... и тут же встряхнула головой, сбрасывая наваждение.

Увы, оно ушло не полностью. Мой разум отказывался работать нормально, и потому я прошла одновременно в два дома: в мраморный почти пустой холл подмосковной резиденции и в яркую индийскую гостиную с пестрыми коврами, расшитыми подушками, развевающимися от горячего сквозняка тонкими занавесями, с расписными вазами по углам и пальмами в глиняных горшках.

Я поняла, что схожу с ума, потому что видеть одновременно две реальности, как открытые окна в компьютере, только не в 3Д, а во все десять, – это воистину удел умалишенных. Лифт и бордовые колонны из мрамора в правом «экране»; покрытая искусной резьбой деревянная колонна в левом. Найти фокус и сконцентрироваться на собственных руках оказалось невероятно сложно. Реальности размывались, накладывались одна на другую, будто две мандалы из разноцветного песка, потревоженные ветром.

Я ухватилась за единственно настоящее – за собственное дыхание. Усердно вдыхая и выдыхая, я заставляла себя не обращать внимание на гул голосов индийской прислуги, и внимать только словам Сергея и Георгия Петровича, разлетающимся эхом под высокими потолками. И только когда ка-

кая-то добрая душа – подозреваю, что это был доктор, – усадила меня на стул и налила чаю, когда я пригубила крепкий, чуть терпкий напиток, и горячая жидкость обожгла мне язык, ужасная раздвоенность прекратилась.

– Валера, простите, но я вынужден настаивать! Вашей гостье обязательно надо сделать МРТ, – взволнованно говорил Георгий Петрович. – Возможно, я перестраховываюсь, но вы меня знаете. Если помимо сотрясения у Вари более серьезное повреждение мозга, если мы не примем меры, последствия будут крайне неблагоприятными.

Но сейчас я с облегчением наблюдала лишь за одной реальностью. Перед моими глазами раскинулась кухня-столовая в полудворцовом стиле, у стола разговаривали милый доктор с бородкой и румянцем во всю щеку и длинный, как жердь, олигарх. После калейдоскопа с индийской челядью это успокаивало.

Я подала голос:

– Нет-нет, не стоит, Георгий Петрович. Со мной уже все в порядке. Просто голова закружилась... Я и без сотрясения плохо переношу перелеты и долгие поездки. Не волнуйтесь, пожалуйста.

– Вот видите? – с нажимом сказал врачу Валерий. – С ней все в порядке. Не будем устраивать много шума из ничего.

– Но все-таки... – громко вздохнул Георгий Петрович, – я предпочитаю более точную диагностику.

– Оставим ее на крайний случай, – ответил олигарх и, как

обычный смертный, плеснул себе в кружку с разноцветными кружочками кипятка из блестящего электрического чайника.

– Спасибо за чай, он просто чудесен! – сказала я с улыбкой неизвестно кому.

Подула и принялась пить этот волшебный напиток, словно нектар, живую воду, способную спасти от сумасшествия. Пожалуй, никто бы не смог сейчас вырвать из моих рук веселенькую голубую кружку с улыбочивыми апельсинами.

Я усиленно делала вид, что все хорошо. Нельзя было показать хоть чем-то, что я теряю рассудок, ведь тогда олигарху я буду не нужна. Он попросту выставит на улицу, предоставив самой скрываться от убийц. Очень сомневаюсь, что хотя бы деньгами на обратный билет снабдит – все богачи жадные.

* * *

По мере того, как чай исчезал из моей кружки, я чувствовала себя все нормальнее и нормальнее. Однако желаемое спокойствие не наступило. Не знаю, почему, но даже не в столь роскошной обстановке, а в ресторане средней руки или в кондитерской с претензией меня обычно навещает неловкость. Несомненно, глаз радуют старания дизайнера, удобные стулья в стиле ампир, диванчики, кресла, пледы, натертые до блеска столовые приборы... Однако атмосфера, пред-

полагающая расслабленное наслаждение, всегда заставляла меня пусть едва уловимо, но все-таки напрячься. Будто я не по праву пользуюсь предлагаемыми благами, как Золушка, прячущая под юбками бального платья грубые башмаки и замирающая в ужасе, что, обнаружив их, кто-то из гостей обязательно обличит самозванку.

Да, у меня много странностей. Или комплексов, – назовите их, как хотите. Конечно, хотелось бы найти им объяснения, а еще больше – избавиться от всего этого ненужного нагромождения «неудобностей», но увы... Пока аномалии прибавлялись по нарастающей, без пояснительных записок и комментариев.

Я с робостью осматривала сверкающую поверхностями кухню. Длинный овальный стол, за которым я сидела, серой полировкой крышки походил на громадный, залитый льдом каток... для дрессированных мышей. Казалось, они вот-вот покажутся из-за серебряного канделябра, стоящего по центру, в плиссированных юбочках и с розовыми шапочками на голове и начнут рассекать крошечными лезвиями коньков под забавный мышиный вальс. Обогнут только белые салфетки с кружками, словно случайные островки, и закружатся дальше.

Я задумалась, поймав себя на очередной странности. И тут же поняла, что неподобающую обстановке мультяшность навевала подушка с диснеевскими мышатами, брошенная на темно-красный, строгий диван у окна. А еще выбивались из

интерьера большие чайные кружки, выстроившиеся на серебристой подставке. Пожалуй, их подбирали специально, отдавая предпочтение сумасшедше-детским, с пляшущими арбузами, с дядей Федором из Простоквашино; с волком и зайцем из «Ну, погоди», с дружелюбным котом Леопольдом в неизменном банте-галстук. Посуда отчаянно диссонировала с надутым собственной важностью образом миллионера. Мой изумленный взгляд метнулся к Валерию: неужели пропустила в нем что-то человеческое?

Он прыснул:

– Понравилась моя коллекция кружек?

– Да...

– Люблю наблюдать за реакцией гостей, – расхохотался Валерий. – Представьте важного перца из аппарата президента, когда ему подают кофе в кружке с капитаном Врунгле-лем?

– Это сложно представить.

– Зато потом гораздо проще найти контакт с людьми, которые росли с тобой на одних мультиках. Тараканы есть у всех, но хорошо, когда они понятны. – Довольный собой, он прошелся к холодильнику, больше похожему на космический челнок, а я, не веря собственным глазам, обнаружила на его длинных ступнях оранжевые мохнатые тапочки «львиные лапы». – Есть хотите?

– Пока нет, спасибо.

– А вот я бы не отказался от бутерброда, – сказал Сергей,

входя в кухню. – ГОСТовская еще осталась?

– Ты, Ларин, всегда голодный, – прыснул олигарх.

Я ожидала увидеть здесь повара в белом колпаке или, на худой случай, кухарку в кружевном фартучке, но никак не то, что олигарх и его начальник службы безопасности сами извлекут багет из морозилки, разогреют в говорящей микроволновке, разрежут на большие куски, отхватят ножом толстые ломти докторской колбасы и разойдутся каждый на свой конец стола. Валерий полил сверху колбасу кетчупом и майонезом, закрыл сверху вторым кусом хлеба. Все это безобразие красовалось на огромной фарфоровой тарелке, как ностальгический памятник буржуина советскому студенчеству. И я поняла, что ничего не смыслю в олигархах.

Радостно жуя и запивая банальную трапезу чаем с четырьмя ложками сахара, Валерий кивнул мне:

– Точно не хотите? Вкусно.

– Я не ем мяса, – призналась я.

– Ах да, спортсменка, комсомолка, и просто... – он не договорил «красавица», как в советской комедии, вставил своё: – кришнаитка. И, значит, обязательно должна быть вегетарианкой. Наверняка еще и с бездомными животными волонтерствуете?

– Нет. И я не кришнаитка.

– А кто?

– Разве обязателен ярлык?

– Нет, – беззаботно пожал плечами Валерий.

– Ты очень похожа на отличницу из моего класса, – встал Сергей, – сидела у нас за первой партой, шурилась точно так же, и так же очки не носила. Зато знала всегда и все. Ты наверняка была отличницей?

– Нет. Мама болела, я часто пропускала занятия в старших классах.

– О, так мы с вами заядлые прогульщики? – подмигнул Валерий. – Хотя по вам не скажешь.

– По вам тоже многого не скажешь, – сказала я, покосившись на «львиные» тапочки.

Миллионер рассмеялся:

– Люблю эпатаж. И сюрпризы.

– Неужели на званных обедах вместо шампанского разливаете в бокалы компот и подаете кабачковую икру?

Сергей тоже захохотал:

– Это уже не эпатаж, а извращение! Нет, Валера на день рождения своей сети подарил всем недоброжелателям и злопыхателям резиновые членики.

Я поперхнулась воздухом и вытаращила глаза.

– А что? Некоторые были довольны, – фыркнул Валерий. – Одна известная журналистка даже прислала благодарственную открытку, подписав: «Спасибо, как раз мой размер».

– Зато Скворцова разозлилась еще больше, – хмыкнул Сергей. – Он умудрился одарить члеником и Зам. секретаря Совета Безопасности Морозова, можешь себе представить?

Смутившись, я опустила глаза, кровь прилила к щекам.

Похоже, они оба издевались надо мной, называя известные имена. Впрочем, от политики я далека, имя Морозова мне ни о чем не говорило, а Скворцова? Кто-то упоминал эту фамилию недавно... Точно, Ника! Когда говорила о скандалах с Черкасовым. Подумать только, это было вчера.

На помощь пришел доктор.

– Кто-то из великих сказал: «Умение краснеть – признак прекрасного сердца».

Впрочем, от комплимента я тоже смутилась.

Дожевав бутербродную пирамиду, Валерий сел напротив меня за стол и сказал с начальственным видом:

– Пошутили, теперь о серьезном. Вы, Варвара, будете жить в моем доме. Здесь безопасно. Охрана надежная: не то что менты, муравей без спроса не проползет. Но вы должны выполнять мои условия.

– Да, я помню о договоре, я прочитала его не менее пяти раз...

– При чем тут договор? Мой дом – мои правила. И они такие: ваша комната будет на третьем этаже, по коридору налево крайняя. Там творите, что хотите. Когда у меня гости или посетители, не показывайтесь. Если что-то надо внизу, пользуйтесь служебной лестницей. Не люблю лишних глаз и глупых вопросов.

– Разве я задавала?... – я почувствовала негодование.

– Да вот только что, – без обиняков ответил он. – Георгий Петрович будет помогать вам поправить здоровье. Осталь-

ные вопросы направляйте Сергею. Я ему за это плачу. Я не планирую мешать вам, вы не должны мешать мне. Надо гулять? Гуляйте на территории, сколько влезет. За ворота ни ногой. Надо читать? Библиотека на втором. Там же кинозал. На вашем этаже, но в другом крыле – спортзал. Еда здесь. Что хотите, берите в холодильнике. Без спроса. – Он мотнул головой к «космическому челноку». – Слева от него планшет с меню из ресторана, можете отмечать там, что хотите на обед или ужин. Без разницы когда. Доставка у них быстрая. И повар не халтурит. Я ни разу не отравился. Что еще? Ни с кем из знакомых связаться не пытаетесь. Телефонная линия на блокировке, вы и так без пароля никого не наберете. Я предупреждаю один раз: глупости не в ваших интересах. Ваш смартфон с ценной записью у меня. – Он почесал небритый подбородок. – Интернетом тоже не пользуетесь... В общем делайте, что хотите, но главное – старайтесь не попадаться мне на глаза. Не люблю, когда мою свободу кто-то сковывает. Это ясно?

– Вполне, – ответила я сквозь зубы, мигом теряя только возникшее расположение к миллионеру.

Увы, люди были для него или полезными инструментами для достижения целей, или безликой толпой. И из нее он ни в коем случае не планировал выделять меня. Но я не навязывалась быть его гостьей, и оттого было совсем противно. Сухо, насколько это было возможно, я сказала:

– Я тоже предпочитаю свободу. Если мы с вами увидимся

только перед судом над Шиманским, будет идеально. Один вопрос: мне надо где-то постирать испачканные при падении вещи, и на время во что-то переодеться.

– Организационные вопросы к Сергею. – Валерий перевел палец на охранника. – И я уже об этом говорил. А повторяться я тоже не люблю. – Он с шумом отодвинул стул и встал. – Всё, я занят. Развлекайтесь без меня.

Валерий бросил в раковину кружку и стремительно покинул кухню.

Я сглотнула неприятное ощущение. Сергей улыбнулся мне:

– Своеобразен.

– Мне нет до этого дела.

– О да, – хмыкнул Сергей. – Но с ним вполне можно ужиться. Не волнуйся, я тебе все покажу, расскажу. Напиши список того, что нужно. Я в курсе, что ни одна девушка не удовлетворится единственными джинсами и парой белья.

– Мне ничего не надо, – я перебила его невежливо, – особенно от господина Черкасова.

– Ага, все-таки задел. Задевать чужую гордость – тоже его хобби. Струны знает, берет правильные ноты на раз. Паганини троллинга, – улыбался как ни в чем не бывало Сергей. – Ладно тебе, Варя. Не стесняйся, обери миллионера, как липку. Все равно не обеднеет.

– Я не могу себе позволить...

– Можешь. Если твоя гордость уж очень гордая, то оста-

вишь вещи здесь по завершении всей этой котовасии. Можешь даже театрально бросить ему в лицо. То-то удивится.

– Это не в моих правилах.

– Как хочешь. Пока мы с тобой живем по его правилам. Ты – по договору. Я, в принципе, тоже. Вон, Георгий Петрович, тоже очень благонаравно поедает колбасу и выставляет длинные счета. Да, доктор? – заговорщицки подмигнул ему Сергей.

– Что вы говорите, Сережа?! – всплеснул руками врач. – Я никого не обманываю. Валере просто нужно наблюдение после травмы. Он сам настоял!

– Ничего не имею против, – ответил блондин и обратился ко мне. – Вот так, с праведной скромностью и надо обдирать богатеев. Так сказать, брать налог на роскошь. Учись, пока я жив. – Он поднялся из-за стола. – А теперь, если ты допила чай, пойдем на экскурсию. Позже передумаешь быть принципиальной и составишь список.

– Варенька, я загляну к вам через часик. Пока отдохните с дороги, – крикнул вслед доктор. – Помните, вам надо лежать.

* * *

Сергей ответственно играл роль гида, показывая мне поражающее размерами логово миллионера. В помещениях было много света и пространства, даже слишком много. Оттого комнаты казались холодными, как та бежевая гостиная

с вкраплениями темно-красного, на которую мы взглянули сверху, с полукруглого балкончика второго этажа. Визуально ее не согревал даже камин, подобно органу уходящий кладкой ввысь вдоль стены. И шкура бенгальского тигра перед очагом тоже не придавала уюта. Может быть потому, что за панорамными окнами слишком открыто хмурилась осень.

От ощущения пустоты я поежилась и с грустью вспомнила свою квартиру, любимую комнату с массой безделушек, с рассаженными на спинке дивана мягкими игрушками, с комнатными цветами на окнах и не новой мебелью. Сердце защемило: как там мои сейчас? К сожалению, придется потерпеть. Им без меня, мне без них. Хоть бы, хоть бы эта затея с судом удалась!

В библиотеке, являющей собой истинную мечту библиофила, стоял по центру огромный стол на низких ножках. Одинаково отполированные, напоминающие шашки, черные и белые камни застыли в ожидании игроков.

– Что это? – поинтересовалась я. – На шахматы не похоже.

– Игра в Го, изобретение азиатов.

– Вы играете?

– Нет. Это новая болезнь Валеры. Говорит, что полезно для развития бизнес-стратегий. Даже учителя нанял, еще одного хитреца, умеющего зарабатывать деньги на пустоте.

– По-вашему, все только и делают, что обманывают друг друга и стремятся нажиться?

– Нет, – засмеялся Сергей, – не все. Ты вот еще не научи-

лась. Впрочем, я ни слова не сказал об обмане.

– Разве «зарабатывать деньги на пустоте» не это означает?

– Смотри, – он доверительно наклонился ко мне, и я сильнее ощутила приятный, мужской запах его парфюма, – видишь свободные пересечения линий? На которых не стоят камни? Они и называются Пустотой. Это основной принцип жизни любого камня. Если у него нет доступа к Пустоте или Свободе, как ее еще называют, он задыхается и умирает.

– Символично.

– Далай Лама отдыхает.

– У Черкасова сеть магазинов, да?

– Ага, «Дримсеть». Наш Валера – торговец мечтами. Ибо что есть мобильные телефоны, планшеты и ноутбуки?

– Коммуникации, инструменты для работы, – предположила я.

– Неа. Это понты, фотки в Инстаграме и жизнь в социальных сетях – то есть мир иллюзий. Похлеще телевидения.

– Да вы философ! – изумилась я.

Сергей довольно сверкнул глазами и повел меня дальше. Меня поразило кинозал, ничуть не хуже, чем в нашем торговом центре; плавательный бассейн с лазурной водой, облицованный мелкой разноцветной плиткой. При виде спортзала и искусственной сауны меня уколола зависть, которую я обозвала обостренным чувством несправедливости – всеми этими благами пользовался один человек! И да, опять захотелось отнять и разделить. Тур по дому завершился, мы

с Сергеем неторопливо шли по коридору мимо нескольких закрытых дверей. Шаги тонули в ворсе ковровой дорожки. Тишина и безлюдье угнетало. Если бы не мой сопровождающий, щедрый на белозубые улыбки, я бы решила, что попала в триллер, где место действия – заброшенная гостиница. И за одной из дверей прячется безумный Джек Николсон, как в «Сиянии» Кубрика.

– А где прислуга? – не выдержала я.

– Кто тебе нужен? – удивился Сергей.

– В принципе никто. Но неужели господин Черкасов настолько экстравагантен, что сам пылесосит и моет полы?

– Зачем? – усмехнулся мой гид. – Это система «умный дом». С уборкой прекрасно справляются роботы.

– А с пылью на мебели?

– Видишь пыль?

– Нет.

– Вот и здорово! Нет прислуги – нет лишних глаз и ушей. Сейчас многие состоятельные люди переходят на современные технологии. Вот сюда, по лестнице, пожалуйста. – Он пропустил меня вперед. – Голова больше не кружится?

– Спасибо, все в порядке.

Третий мансардный этаж был ниже остальных, и, признаюсь, мне это понравилось. Видимо я не создана для дворцов.

Сергей посматривал на меня. В его взгляде читалось любопытство, граничащее с более глубоким интересом. Я отводила глаза всякий раз в смущении. Широко улыбаясь, он

распахнул дверь.

– Твоя комната.

Эта спальня была небольшой и напомнила мне номер в приличной гостинице. Нежно-лиловое, почти как пенка сливового варенья, покрывало, такие же шторы, белый с узором круглый ковер по центру, мебель из светлого дерева. Пожалуй, это было самое «женское» помещение, пусть и расположенное почти на чердаке.

– Вот дверь в санузел. Он лично твой. Да, забыл же! Прачечная в подвале, прямо под кухней. А в душе висит халат, понятия не имею какого размера. Но они есть во всех гостевых спальнях. И тапочки тоже. Пользуйся свободно. В тумбочке блокнот и ручка, составляй список.

«Точно гостиница», – подумала я.

Что-то зазвенело, и к моему удивлению, Сергей извлек из кармана простейший телефон с большими кнопками – из тех, что покупают пенсионерки. Слушая, он кивнул мне: мол, располагайся, и поспешно закрыл снаружи дверь.

Я села на кровать, провела рукой по мягкой ткани покрывала. Голова болела от удара и от нахлынувших в безмолвии мыслей. О злодее Шиманском, о его жертве – парнишке в желтом пиджаке, с нелепой челкой. О миллионере, этом снобе, вызывающем раздражение. О моем возмущении при виде его богатства, словно он не по праву владел всем этим. О его поведении.

Хотелось поставить Черкасова на место, но я не знала как

– я не сильна в конфликтах и революциях. Да и не разумно в моей ситуации драконить того, кто может помочь. Придется терпеть, хотя я ненавижу высокомерие, ненавижу жадность и не понимаю, зачем столько роскоши одному человеку...

Погружаясь в одиночество и грусть, я подошла к окну. Вдаль убегали аллеи парка, небо насупилось, скупясь на свет. К моему горлу подкатил ком, глаза зачесались. Но жалеть себя, размазывая слезы по щекам не вышло. Потому что внезапно солнце полыхнуло жаром так, что пришлось сощуриться и прикрыть лицо рукой. Индия с шумом базара, взрывом запахов, расцветок и тучей мошкары бесцеремонно ворвалась в мою реальность...

Глава 7. Согласно купленным билетам

Шум базара и пристающая мошकारа не раздражали Матхураву. Он привык к тому, что покупатели спорят с торговцами на все голоса. Вот и сейчас его младший брат Радж убеждал молодого кшатрия в красной куртке, что нараватна⁶ с девятью камнями принесет мир и благополучие его носителю, отгонит злых духов и защитит от недоброго глаза. А потому просто не может стоять дешевле назначенной цены. Кто же пожалеет горстку рупий в обмен на будущее счастье?

Матхурава дотронулся до своей нараватны, подаренной отцом на совершеннолетие. Увы, та не защитила его от чар юной ведьмы... И сейчас не защищает.

Кивнув Раджу, ювелир удалился в дальнюю комнатку и плотно закрыл за собой дверь. Он пересчитал рубины, привезенные из Непала, отобрал те, что покрупнее, и сложил в вышитый мешочек, чтобы отнести на выбор придворному советнику.

Несмотря на жару, жизнь на базаре кипела. Из улочки с ювелирными лавками, куда навевывались только состоятельные жители Паталитпутры, Матхурава выехал на коне к рядам со специями и приправами. Повсюду стояли мешки, до-

⁶ Традиционное индийское украшение-талисман.

верху набитые алыми стручками перца, мускатным орехом, янтарным шафраном, чуть зеленоватой асафетидой, мелкими звездочками гвоздики и яркой, словно одежда буддийских монахов, куркумой. Прикрыв рукавом нос, ювелир едва не чихнул, поторопился свернуть влево и оказался среди снующей туда-сюда черни возле россыпей желтого манго. Мальчишки-помощники отгоняли палками вороватых обезьян и грязных детей париев от лежащих на тряпках фруктов. Ювелир скривился при виде неприкасаемых. Прикрикнув на зазевавшегося темнокожего шудру с тележкой, поскакал прочь от торговой суеты по иссушенным солнцем улицам – в сторону царского дворца.

Матхурава остановился у роскошного белого дома. Седой слуга принял у него поводья, второй с почтением проводил в комнаты, радующие тенистой прохладой за толстыми стенами из песчаника. Ювелир сложил ладони на груди в приветствии и с достоинством поклонился перед дородным хозяином, восседающим на шелковых подушках в белом дхоти с золотой окантовкой.

– Чем порадуешь, Матхурава-джи? – спросил советник.

– Да будут благословенны ваши дни, почтенный Чандрамупта! Да принесет радость под крышу вашего дома великий Вишну! Сегодня у меня есть для вас что-то особенное! Я привез истинную утеху для благородных глаз! – еще раз поклонился ювелир и достал мешочек. Рассыпанные на резном столике рубины засверкали под солнечными лучами: неболь-

шие, словно зерна разбитого граната, и очень крупные, размером с яйца голубя.

– О, да ты не обманываешь! – Советник причмокнул и принялся перебирать камни, смотреть их на просвет, взвешивать на ладони. – Откуда же они?

– Специально для вас я вез их через непреодолимые кручи Гималаев, тропами по снегам, мимо бездонных пропастей и обрывов, из нового города Лалитпура, стремящегося затмить своим великолепием столицу соседнего королевства. Недаром Лалитпур называют «красивым городом», о мудрейший. В долине Катманду нет прекраснее его в лучах заката, который, по воле Индры и Вишну, наделил своим цветом эти рубины! Доставляют ли они удовольствие вашему взору, о мудрейший?

Советник благосклонно кивнул. И Матхурава продолжил нараспев рассказывать о необычных статуях красивого города, о снежных пиках, о трудностях дороги и поиске «чудеснейших» рубинов – этих царей среди самоцветов, наделенных особой магической силой, дарующей власть над людьми, ракшасами и страхами, что те насылают...

Матхурава знал, что покупатели падки на необычные кристаллы, и потому наделял каждый корунд цветистой историей. Только если раньше ювелир сам верил в сверхъестественные свойства камней, теперь был уверен, что лжет. Ни золотая нараватна, ни набитый плотно мешочек с рубинами, ни заговоренный перстень, не помогли ему справиться с напа-

стью.

Ювелир не сомневался ни секунды, что демоны-асуры подчинили его волю, ведь никогда еще он, уважаемый вайшья, не был так слаб перед желаниями. И эта слабость, будто болезнь, подтачивала его изнутри, ибо избавиться от похищенной красавицы у него не хватало духа. Юная Сона была так сладка, что даже слезы ее опьяняли, тогда как робкие прикосновения и редкие улыбки просто сводили с ума.

Что до страхов... рубины не избавляли и от них. Несмотря на обилие камней в оправе и множество необработанных кристаллов в сундуках, не проходило и дня, чтобы сердце ювелира не замирало – вдруг домашние прознают о закрытой на семь замков неприкасаемой.

Он стал нелюдимым, отослал мать ко второму брату, подарил отдельный дом с лавкой младшему, разогнал слуг, оставив только самых преданных и неразговорчивых: старика Гупту и кухарку. Да еще пару рабов, которым в личные комнаты хозяина вход был заказан.

Матхураву постоянно пугала мысль о том, что его, многократно оскверненного связью с неприкасаемой, обратят в парию и выгонят за пределы города – подальше от людей благонравных. А если прознают, что он украл девушку вопреки воле ее отца и старейшин, грозит ему наказание такое же, как за убийство, ведь при нынешних порядках царя Ашоки даже за насилие над собственной рабыней полагалась суровая кара. И потому Матхурава тихо ненавидел: себя, Сону,

людей вокруг и даже самого царя. Впрочем, покупателям об этом знать не полагалось, им нужны были сказки. А Матхураве – деньги.

– Пожалуй, я закажу у тебя перстень с этим рубином, – проговорил советник, – а вот из этих сделай браслеты для моей любимой жены и серьги с павлином.

– О, мудрейший, вы, как всегда, выбрали наилучшие из камней, – поклонился Матхурава, скрывая в усах усмешку.

Он уже представлял, как рубины в сплетенной кружевом оправе из золота будут смотреться на обнаженном теле его тайной наложницы. Оскверненный сам, ювелир испытывал кружащее голову чувство мести, передавая благочестивым брахманам, заносчивым кшатриям и почтенным купцам драгоценности, запятнанные кожей неприкасаемой. Она не только дотрагивалась до них нечистыми своими руками, она носила новые украшения днями и ночами, прежде чем они попадали к заказчикам. И оттого страсть Матхуравы, напитанная желанием разделить собственный грех на всех, разгоралась еще сильнее. Пожалуй, мужчина медленно сходил с ума – не мог, никак не мог очиститься, и потому еще глубже тонул в грязи собственных пороков...

– Все хвалят твои работы, уважаемый, – заметил Чадрамупта, – говорят, что ты и раньше был искусен, но теперь нет сравнения твоим ожерельям и браслетам, не найти ничего красивее во всей Магатхе.

– Вы очень добры, о мудрейший, – глубже поклонился

Матхурава.

Вряд ли те, кто хвалили искусство ювелира, могли догадаться о причине столь разительной перемены. Раньше думающий лишь о наживе, теперь он был одержим тем, как украшение будет гармонировать с нежнейшей кожей Соны, с тонкими запястьями и щиколотками, с шелковыми кудрями, с изгибами бедер. Матхурава стремился к совершенству и хотел создать изделие настолько прекрасное, чтобы оно превзошло силой драгоценных металлов и сверкающих камней чары и освободило его от болезни порочной любви.

Так или иначе, но его мысли были полны Соной. Неприкасаемая стала его апсарой, моделью и музой. Ни одна царица не поменяла столько серег и амулетов, шрингар патти, тик и хаар, ни одна простолюдинка не видела столько деревянных и глиняных украшений, сколько довелось надеть на себя золота и драгоценностей юной селянке из предгорий за эти три месяца...

О чувствах Соны ювелир не беспокоился, хотя ему нравилось то, что девушка начала привыкать к нему. Пожалуй, она бы уже перестала проливать слезы по солнцу, которого не видела, по сестрам и брату, о судьбе которых все еще печалилась, по людям вообще, если бы не внезапные перемены в настроении Матхуравы.

Как любой человек, пойманный в сеть собственного обмана, он утратил душевное равновесие. И, как у любого человека, зависящего от мнения других, у него не было шансов

его вернуть. Только с наложницей он был самим собой: то презрительный, то нежный, он то отталкивал ее и бранил, то покрывал поцелуями или, погруженный в глубокую меланхолию, приходил и сидел рядом, молча. Он боялся себе признаться, что в те минуты видит жалость в глазах девушки.

Ювелир твердил ей и себе, что освободил ее от жизни, полной лишений, голода и тяжелого труда. Но Сона опускала ресницы и не благодарила – сложно было пленнице радоваться изобилию, ведь ее властелин мог так же внезапно, как осыпал ее проклятиями среди ночи, выбросить на улицу или продать другому. Девушка не роптала, ибо чего она, неприкасаемая, могла ожидать? Богам было угодно, чтобы она родилась без прав, за пределами варн и человеческих законов, и потому должна сносить всё, чтобы в следующей жизни родиться с более счастливой дхармой, а не превратиться, к примеру, в навозного жука или жужелицу.

– Не задерживай заказ. К первому дню следующего лунного месяца буду ждать тебя с украшениями, – важно сказал советник.

Матхурава раскланялся и заверил, что сделает все в лучшем виде.

– Если мне понравится, буду рекомендовать тебя при царском дворе, – поднял перст Чандрамупта.

Довольный визитом, ювелир вышел из покоев. Подумал о том, что, возможно, сам царь Ашока станет заказывать у него украшения, но тут же вспомнил о пронизательности прави-

теля и о слухе, будто тот посылает доверенных осведомиться о благочестии всех, кто бывает при дворе. Воздух комом застрял в груди Матхуравы...

* * *

Я громко вздохнула и закашлялась. Вцепившись пальцами в подоконник, обнаружила, что за окном ветер качает сосны, разгоняет по небу серые с проседью облака, обнажая местами лазоревые полосы. Я провела рукой по лицу и, провернув ручку, распахнула створку – холодный воздух окатил меня с ног до головы, сдувая жар индийского солнца, ощущение теплой кожи поводьев с ладоней и давящий ком из груди.

Отчего эта история врывается в мой разум? Отчего я чувствую всё так явственно?

Надышавшись до зяби, я закрыла окно и прилегла на кровать. Воспоминания порочного ювелира прокручивались, словно мои собственные. Четкие, объемные, почти настоящие. Будто всё это было час назад, и память еще не успела размыть подробности и отправить в дальний угол «заархивированные» файлы. Казалось, не какой-то мужчина в тюрбане, а я сама удерживала пленницу в своем доме. Вчера или даже сегодня...

«Это невозможно!» – говорила я себе, но нахлынувшие чувства были болезненными и слишком живыми. Потому от-

чаянно захотелось сделать что-то обычное – к примеру, постирать или вымыть пол, лишь бы избавиться от проклятого индийского морока. Я содрала с себя джинсы и в ванной принялась с остервенением отстирывать гелем для душа засохшие следы грязи. Я тёрла, полоскала и выкручивала, снова тёрла, полоскала и выкручивала, борясь больше не с пятнами на ткани, а с хаосом в голове. Руки покраснели, воспоминания остались. Невыносимо.

– Не хватало только спятить! – сказала я вслух и оглянулась: белый махровый халат на вешалке был размера на три больше моего.

Чертыхнувшись, я натянула его и решительно направилась вниз. Принципиальность хороша, если ты в своем уме. В ином случае на нее плевать. Если можно просить все, что угодно, закажу себе плеер и телевизор, и коврик для йоги, и простые вещи. Возьму стопку книг в библиотеке. Буду, как все. Люди живут среди новостей, песен, фильмов и интернет-мемов для того, чтобы не думать и не погружаться в пугающие до жути глубины собственного «Я». Сквозь частоты FM аду в мозг не протиснуться!

* * *

Всклооченная, похожая на белого медведя в слишком широком банном халате и тапочках, я подошла к библиотеке. Дверь была открыта. Собравшись переступить порог, я

увидела Валерия. Он сидел в кресле, поджав под себя босую ногу. В невообразимой футболке с красочными абстрактными рисунками, в малиновых штанах с зелеными треугольниками – одежда, достойная шута. Разве что без колпака с бубенчиками! Привычное уже мне раздражение коснулось души, но с удивлением для себя я отметила, что беспорядочный взрыв ярких красок ему очень шёл.

Сосредоточенный, Черкасов навис над доской Го. Видимо, продумывал следующий ход. Вспомнив об условии не попадаться на глаза хозяину, я собралась было уйти, но... засмотрелась. Полагая, что он один в комнате, Валерий не позаботился ни об одной из масок, и передо мной было его настоящее лицо: умное, красивое, внимательное – такое, на которое хочется смотреть. И я смотрела, поражаясь, насколько щедро его одарила природа: точеными чертами, упрямым подбородком, бархатными ресницами, чуть изогнутыми полосками густых бровей... Он поморщил высокий лоб, обрамленный смоляными кудрями, и коснулся подбородка аристократически длинными пальцами.

Дверь скрипнула.

Валерий поднял глаза. Пена воспоминаний накатила волной, снесла раздражение, и сумятица чувств вспыхнула с новой силой: я и ювелир, Валерий и та девушка, все перемешались и слились в одно так, что не разобрать, кто из нас кто и где мы находимся... Слабость разлилась по ногам, я привалилась ко дверному косяку. Корешки тысяч книг на пол-

ках закружились, показалось, что томики вот-вот сорвутся и, размахивая страницами, запорхают над доской Го. Кольнув неожиданной виной, мое сердце отозвалось на взгляд Валерия теплом и волнением. Хотелось сказать ему что-то хорошее, но я только улыбнулась растерянно.

Однако изумление Черкасова было мимолетным. Из черных, блестящих, как драгоценный камень, глаз тотчас выплеснулась злость.

– Я, что, похож на телевизор?! Стул, попкорн? Или лучше сплясать для вас?! – грубо сказал он, отрезвляя меня. – Я, кажется, предупреждал...

Покраснев, я закусила губу и без слов заторопилась прочь. Смушение, обида и стыд перемешались в одну большую, непередаваемую боль. Я не заслужила ее... или заслужила? Боже...

* * *

Я нашла Сергея в столовой. При виде меня он отложил планшет и, потянувшись, доброжелательно улыбнулся.

– Да уж, не твой размерчик...

– Что?

– Халат.

– Пустяки, – я махнула рукой. – Давайте составим список.

Мне действительно нужны вещи.

– А ты не долго ломалась, – хмыкнул он.

– Я не ломалась. – Мой голос выдавал волнение и звучал неестественно. – Ручку дадите?

– Не волнуйся ты так! – Он понизил тон и доверительно произнес, прикрывая рот ладонью: – На самом деле, покупая носки, ты не совершаешь преступление против совести. – Блондин мотнул головой, указывая на место рядом с собой на красном диване. – Падай.

Я послушалась, готовая расцеловать его хотя бы за то, что от охранника веяло нормальностью. Только это и нужно было сейчас. Сергей протянул планшет:

– Интернет-магазин в помощь.

– Разве мне не запрещено?

– Ну, я же рядом. – Он закинул на спинку дивана руку, вот-вот готовую сползти мне на плечо.

Я сделала вид, что не замечаю, и сосредоточилась на экране. Пусть! Я готова простить некоторую дружескую фривольность, лишь бы всё снова стало обычным. Словно старушка перед смартфоном, я застыла, не зная, что вбить в поисковую строку.

– Медитируешь? – спросил блондин. – Или никак не решишь: Майбах или нижнее белье в бриллиантах?

– Нижнее белье пригодится, а вот бриллианты на нем – никому не нужная роскошь. К тому же неудобная. Что такое Майбах?

– Машина. Дорогая аж жуть. Не хочешь?

– У меня прав нет.

– На площадке перед домом круги нарезать можно и без прав. – Смеялся он.

Радуюсь подсказке, я набрала «купить нижнее белье» и открыла первый попавшийся сайт. Сергей ткнул пальцем в кружевной бюстгалтер ценой в пол моей зарплаты.

– Мне нравится, заказывай.

Я покраснела и отодвинулась.

– Позвольте, я сама...

– Не выйдет. Контроль – наше всё. Считай, что я врач, и кончай стесняться.

Посмотрев на наглую белозубую улыбку, я поняла, что сопротивляться бесполезно. В конце концов, не всё ли равно? По сравнению с моим сумасшествием выбор белья при постороннем мужчине – ерундовая проблема.

Впрочем, неожиданно шоппинг оказался занятием веселым и помог отвлечься. Сергей шутил напрапалую, спустя несколько минут даже я начала улыбаться и понемногу отшучиваться.

– Хватит выбирать спортивное, ты ж не на Олимпиаду собралась! Закажешь это платье, – тыкал он пальцем в кораллового цвета наряд, – и к нему эти туфли, и за это я покатаю тебя на Майбахе.

– Зачем вам платье? Оно вам не пойдет.

– Да ладно, тебе отдам. А если вот это черное с открытой спиной купишь, я еще и водить научу. Только при условии, что ты его наденешь на уроки вождения.

– Договорились, если вы будете в коралловом, я буду в черном.

– Облом, моего размера нет, – заливался хохотом Сергей.

В корзине интернет-магазина набралась сумма, на которую я боялась смотреть, но Сергей подначивал меня и отмечал галочкой то, что подороже. И мне надоело подсчитывать, какую часть квартирных счетов составила бы та покупка или эта. Внезапно в боковой колонке, где обычно выскакивает реклама, я увидела фото юноши с длинной челкой – того самого, из ночного клуба, а рядом жирный заголовок «Сына депутата убила девушка?!»

Не спрашивая разрешения, я нажала пальцем на блок.

– Что ты творишь?! – подскочил блондин.

Холодея, я быстро прочитала:

«В громком убийстве Ивана Денисова наметился прогресс!»

Следственный комитет сообщает, что в деле появилась главная подозреваемая – жительница Ростова-на-Дону, некая Варвара Н., переводчица, двадцати пяти лет. Согласно записям с камер слежения, сын депутата Госдумы и девушка разговаривали незадолго до происшествия, и между молодыми людьми возникла ссора. Предположительно В.Н. застрелила Ивана на почве ревности. Однако, по информации от СК РФ, допросить подозреваемую не удалось, так как она скрылась и в настоящее время находится в розыске. Представитель СК просит всех,

кто увидит Варвару, незамедлительно сообщить о ее местонахождении в органы полиции».

Моя фотография, взятая с аккаунта в соцсети, прилагалась.

– Вы знали, да? Этого не может быть... – бормотала я, видя, что охранник не удивился, – просто не может быть...

Сергей поджал губы:

– Уже есть. Ну и что? Им же надо на кого-то повесить мертвяка.

– Но ведь я же не... Он, убитый, предложил мне наркотики... там... в клубе. Мы перекинулись парой слов... Он не... Нет, я... Что теперь делать? – мои глаза наполнились слезами.

– Сидеть на попе ровно, – сказал блондин. – И ждать, пока мы будем готовы сделать ответный шаг.

– А ваш Черкасов? Разве ему нужно, чтобы на него навесили уголовное дело? – сглатывая слезы, проговорила я. – Ведь укрывательство преступника – это уголовное дело!

– Твоя вина не доказана, так что успокойся. Нам никто ничего не предъявит. И это вообще липа, чтобы народ бдительно тебя в толпе высматривал. А вот мы, надеюсь, сможем призвать Шиманского к ответу.

– Правда? – я держалась из последних сил.

– Правда. – Большая ладонь сжала мои плечи. – Не бойся. Здесь ты в безопасности. А Шиманскому надо создать иллюзию активности и любыми способами убрать единственного

свидетеля. Только для этого сначала придется тебя найти...

– А он найдет?

– Без вариантов, – ободряюще улыбнулся Сергей. – Не реви. Лучше давай мы тебе еще каких-нибудь ничтяков закажем. Духи от Диор. И конфет. Чего еще?

Я вся как-то незаметно оказалась у него под мышкой, и пусть я бы никогда не позволила постороннему мужчине вести себя так со мной, сейчас у меня просто не было сил возвращать бесцеремонно сдвинутые границы. Мне даже хорошо было от ощущения живого тепла, передающего уверенность и приземленность. Резкий окрик прервал охранника:

– Ларин! Ты что себе позволяешь?!

В арке на входе стоял Валерий. Его лицо побледнело, а глаза горели гневом.

– Выйдем. Надо поговорить! – распорядился он и, резко развернувшись, вышел вон.

Сергей убрал руки и пробормотал:

– С цепи, что ли, сорвался? Вообще не узнаю шефа... Походу, кетчупа переел.

* * *

Из холла долетали хлестские слова выговора, постоянно перемежающиеся местоимениями «она», «её», «к ней». Неприязнь олигарха выражалась явственно. Полагаю, он и сам не догадывался, отчего одно мое присутствие раздра-

жает его. Возможно, Валерий и термин «реинкарнация» не слышал. Но если в моих видениях была хоть толика правды, Черкасову было за что меня не любить.

Опять пойманная в сети стыда, я поспешила ретироваться. Неслышно проскользнула на лестницу, украдкой взбежала по ступеням. Оглянулась, как вор. Странно было испытывать эту вину, странно было думать так, словно в моем мозгу поселились два человека: я прежняя и индус, который, подлец, и не собирался исчезать, напоминая о милой родинке на бедре у Ва... да нет же! Нет! – обрывала себя я. – Родинка была у Соны. Это было так давно, что не сосчитать лет, жизней, эпох! Валерий – совсем другой человек! Это всё вообще может быть галлюцинацией после сотрясения мозга. Но от мыслей и образов было не избавиться. Они накатывали волнами, закручивая шторм в моей голове.

Я остановилась на площадке между вторым и третьим этажами. Сердце выскакивало из груди. Непрошенные, в памяти вставали жаркие ночи, изгибы голого тела маленькой индианки, вынужденной любить Матхураву, то есть... «меня». Насилие отвратительное и сладостное одновременно. Ограниченный рубин, каплей застывший на золотой цепочке замысловатого плетения. Он полз вслед за «моей» рукой по животу Соны... А ладони потели у меня. Ожерелье из бриллиантов и сапфиров, не прикрывающее юные груди. Намотанные на кулак каштановые волосы. Страдание в ее глазах и покорность. И «моё» упоение властью. День ото дня, ночь за но-

чью...

Нет, я не могла... Это не я! – пытался спастись разум, но стыд, самый настоящий, драл сердце на тысячу кровавых кусков. Больно! Я перегнулась через холодные перила и посмотрела в просвет на светлые плиты пола: не разбить ли голову о мрамор, чтобы не взрывалась?

Горькая усмешка коснулась моих губ: и это я считала себя хорошей? Я?!

Я заставила себя идти дальше, мучаясь от того, что память о реинкарнации всё сильнее врывается в моё настоящее. Зачем я хотела вспомнить, кем была?! Отдала бы всё за неведение! Люди мечтают знать о прошлых жизнях, чтобы узреть былую славу, утраченную роскошь, великих любовников, а вместо этого получают при случае пухлую, исписанную гусяным пером историю болезни в масляных пятнах и с дурным запахом.

Если то, что я вижу, правда, Сергей ошибался – я не имела права ничего просить у Валерия. Нас столкнула судьба, чтобы я могла ответить за содеянное. Возможно, выступив в роли свидетеля и отведя удар от него, мой счет станет на пару рупий меньше.

Что еще я могу сделать? Просить прощения за то, что он не помнит, глупо. Простить «себя»-Матхураву – невозможно. Коль скоро пришло время отдавать долг, значит, наступил мой черед покоряться, терпеть и принимать все, что приходит, даже если... – мурашки поползли у меня по коже, и

я поморщилась от дурных мыслей. Сейчас он просто просил не показываться на глаза. И я не покажусь. Каждое его слово будет для меня законом.

Возмущение богатством Черкасова и его поведением сменилось раскаянием: мы поменялись местами! Когда-то «он» был нищ и бесправен перед богачом, стоящим выше по касте, теперь мне, «бывшему ювелиру», отвратительно было признавать собственную бедность. Разве не была в этом высшая справедливость? Та самая карма?

Наполненная стыдом и решимостью, я вернулась в выделенную мне комнату. Подумаешь, тут тихо и одиноко! Меня хотя бы не запирают в четырех стенах с единственным решетчатым окошком под потолком, не лишают солнечного света и свежего воздуха, не наказывают голодом и грубостью неизвестно за что, не будят посреди ночи ради удовлетворения чужой похоти. Но как же мне самой хотелось себя наказать! Лишь бы душа саднила меньше...

Я легла на кровать, как велел доктор, и уставилась на дорожку муравьев, ползущих по потолку. На свете ничто не совершенно, даже этот дворец.

Люди часто кричат: «Господи, за что?!», а жизнь выдается согласно купленным билетам, честно заработанным каждым поступком. Меня хотели убить, меня обвиняли в убийстве, у меня разбита голова. Но больше всего меня заботило то, как Матхурава обошелся с Соной, и чем закончилась их история. Я должна знать, должна вспомнить!

Легче было решить, чем сделать. Я ложилась, потом вставала и устраивалась в кресло. Закрывала глаза, произносила известные мне мантры и слушала завывания ветра, звуки автомобилей где-то вдалеке, а потом тишину. Проклятую тишину: белую, синеватую, сиреневую в сумерках и, наконец, черную. Моя нормальная жизнь осталась за пропастью этой тишины. Тело терзал голод, но я боялась выйти за дверь и только жадно пила воду из-под крана.

Я вспомнила множество деталей «той» жизни – как, к примеру, ювелир разжигал кегли, в каком сундуке хранил инструменты для огранки, как поутру открывал глаза и умывался – так же, как я. Как вздрагивал от холодных брызг на лицо, как очищал язык серебряной лопаточкой и заворачивал на голове белый тюрбан. Я вспомнила дом-наследство отца, каждую комнату в нем и квадратный двор с колодцем посередине, где вечерами собиралась семья, пока Матхурава не разогнал всех. Я восстановила в памяти улицы Паталипутры, ведущие к площади перед царским дворцом, деревянные стены храма, статуи Вишну и Шивы, украшенные гирляндами цветов, лица брахманов с белыми полосками на выбритом лбу и седыми косами, спускающимися с темени лысого черепа. Вспомнила семейный праздник и даже любимое «свое» лакомство – желтые, пахнущие мускатом и кори-

цей шарики ладу с орехом в серединке.

При мыслях о Соне в теле вспыхивало желание, и я погрузилась в темные глубины страстей, неприемлемых для меня нынешней. Но я продолжала мучить себя, погружаться в самую сердцевину боли, так как не имела права отвернуться и сказать, что этого не было. Чем больше я прилагала усилий, чтобы вспомнить всю историю до конца, тем больше смешивался в голове образ Соны-Валерия. Посреди ночи они слились в одно существо, глядящее на меня в воображении прозрачными черными глазами.

В головокружительном делирии оно менялось, надевая, как костюм, то женское тело, то мужское. А мне, по сути, было не важно: представлялись ли мужские сильные руки или изящные ладошки девушки, смотрел ли он с высоты своего роста или она – снизу вверх. Неистовые чувства Матхуравы сплелись с моими, и в груди родилось нечто новое, лихорадочное и волнующее к человеку, который находился со мной под одной крышей.

Всё сильнее хотелось увидеть Валерия-Сону во плоти, ведь я знала о нем больше тайн, чем он сам. Но у меня не было никакого права, как не было его и у Матхуравы. Никто не вправе лишать свободы другого, в моем случае – свободы жить в незнании и спокойствии. Но я должна была оставаться здесь, будто неприкасаемая.

Вечером горячую лаву воспоминаний прервал ненадолго добрейший Георгий Петрович. Я заверила его, что всё хоро-

шо, и мне ничего не нужно. Он недоверчиво поджал губы и некоторое время спустя принес на подносе фрукты, йогурты, печенье и бутылку Боржоми. Впихнуть в себя мне ничего не удалось, заснуть тоже.

Доктор вернулся утром, застав меня на подоконнике, дрожащую и прижавшуюся лбом к стеклу. Георгий Петрович ужаснулся и бросился мерить давление и температуру.

– Варенька, дружок, чего же вы меня не зовете?

– Всё в порядке.

– Не надо обманывать. Сердце болит, голова?

– Нет, просто слабость.

– Не удивительно, на градуснике едва до 35 дотянуло!

Давление, как у едва живой...

Измотанная эмоциями и совестью, я выдавила нехотя:

– Просто бессонница. Не стоит беспокойства.

– Что за глупости, Варенька! Я смотрю, вы и не ели ничего.

– Не хочется.

– Позвольте, я помогу вам прилечь, – суетился Георгий Петрович.

– Не могу больше лежать. Тут хотя бы сосны... И сегодня солнце, – слабо улыбнулась я.

За раскрытыми дверьми мелькнула чья-то фигура. Доктор бросился в коридор. И я услышала:

– Валера, вы тут главный. Надо что-то делать! Я вынужден настаивать на стационаре. Требуется полное, тщательное об-

следование. Ибо тут может быть и вегетососудистая дистония, и нервное истощение, и внутреннее кровоизлияние после травмы...

– Погодите, – перебил его баритон, от которого я вздрогнула.

В комнату вошел Валерий в обычном спортивном костюме, на плечах белое полотенце, волосы влажные – видимо, после бассейна. Мое уставшее сердце заколотилось, как заведенный с третьей попытки мотор. Язык прилип к нёбу.

– Доброе утро, – сказал он. – Как самочувствие?

Я опустила ноги с подоконника и, робея, но не отводя от него жадного взгляда, сказала:

– Хорошее, – и начала медленно сползать по стенке под издевательское скандирование в моей голове «восхищенья не снесла, и к обедне у-мер-ла!».

Валерий успел подхватить меня на руки. Это прикосновение и близость его тела, наверное, свели бы меня с ума окончательно, если бы в огне видений, воспоминаний и стыда я не выгорела за эту ночь дотла.

– Какая холодная! – вырвалось у него.

– Простите, – прошептала я, видя, наконец, его живые, черные с проблеском глаза близко-близко. И в этом было счастье, и в этом была боль, от которой я уже невыразимо устала.

– За что? – удивился он.

«За ту жизнь», – подумала я, но вставила первое, что вер-

телось на языке:

– За то, что раздражаю вас.

– Что за ерунда?! – ненатурально возмутился он и понес меня к кровати. Уложил, накрыл одеялом, сбитым и скомканным, а затем, наклонившись надо мной, признался: – Вы очень милая девушка, Варя. А у меня просто дурной характер. Это все скажут. И, признаюсь честно, я понятия не имею, как вести себя с такими воздушными созданиями, как вы. Не обижайтесь.

В его глазах не было злости и презрения, как у Валерия прежнего, не было страдания и укора, как у Соны. Поэтому облегчение и медовая слабость, будто у ребенка, успокоившегося после долгих слез, охватили меня и лишили последних сил. Веки начали тяжелеть.

– Не надо в больницу, я просто не могла заснуть, – с трудом разлепляя губы, проговорила я. – А теперь, наверное, смогу. Посидите со мной еще минутку, если это не затруднит вас...

– Конечно, посижу, – он улыбнулся мне, как врач больной. – А поспать вам надо. Не бойтесь ничего. И на газетные утки внимания не обращайтесь. Тут вы в безопасности. Сергей отправился к адвокату, а он у нас весьма крут. Георгий Петрович подежурит рядом и проконсультируется, с кем требуется. Да, доктор? Девушка просто перенервничала. Мы легко обойдемся без больницы.

От его слов и дежурной улыбки мне стало так светло и

благодно, что я отпустила себя и почувствовала, что улетаю в сон, подхваченная им, словно березовый лист солнечным ветром. Из последних сил я размежила веки и где-то на границе забытья пробормотала:

– Я люблю вас...

Глава 8. Искупление. Пункт первый

Это было блаженством – не видеть ничего и не думать, а просто провалиться в пустоту, позволив разуму замолчать.

И пока я спала, в сверкающем стеклами и пластиком центральном офисе «Дримсети», на Литейном, Сергей выдерживал натиск щеголеватого следователя с забавной фамилией Мидоря, откомандированного из Ростова-на-Дону.

– Видите ли, Артем...хм... Дмитрич, господин Черкасов с представителями правоохранительных органов принципиально не встречается. Это моя работа, – сказал Сергей. – Изложите суть проблемы, и, думаю, мы разберемся.

– Давайте попробуем, – елеино улыбнулся Мидоря. – Согласно имеющимся у меня сведениям, вы и господин Черкасов были последними, кто видел Варвару Невскую живой.

– Любопытно. О какой Варваре речь? Неужто правнучка великого полководца потерялась?

– Об этой, – следователь выложил на стол фотографии. – Я уже пообщался с сопровождавшей тогда вас Еленой Гриннер. Она подтвердила, что девушка подходила к Черкасову в холле ростовского клуба «Реальная любовь» и просила о помощи. Так?

Сергей почесал подбородок, изображая задумчивость. Выдержал паузу и якобы просветлел:

– Что-то припоминаю. Девушка была, странная немного.

Попросила нас вывести ее из клуба.

– Почему вас? Знакомая?

– Да нет. В первый раз видели. Точнее, по словам Черкасова, она уже просила его провести в ВИП-ложу чуть раньше, он еще возмутился, что девчонка из таких, кому один раз поможешь, потом не отстанут.

– Но вы все-таки вывели ее из клуба?

Сергей осклабился:

– Ну да. Кто откажет симпатичной девушке, которая просит спасти ее от бритоголового укурка?

– Ясно, – кивнул Мидоря, – а потом?

– Спустились по лестнице, прошли на парковку, она поблагодарила и юркнула в кусты на другой стороне улицы. Говорила что-то про подругу. Наверняка та и видела ее последней. Хотя, может, и укурок догнал... Если так, жаль девчонку.

– Не сходится, – развел руками следователь. – Подруга Невской как раз пришла в полицию с заявлением о том, что Варвару похитили. Из кустов наблюдала, как та села в автомобиль и, представьте, даже номера запомнила. А мы их пробили и выяснили, что машинка принадлежит компании «Люкс-кар», которая в тот день сдала ее в аренду господину Черкасову.

Сергей изобразил недоумение, потом навел указательным пальцем на следователя, будто догадался о чем-то:

– А вы не думаете, что подружка что-то мутит? Запомнить

номера, сидя в кустах, в темноте... Прямо шпионка со стажем, а?

– Представьте, бывает у людей и зрение хорошее, и память фотографическая.

– Завидую.

– Да вы, наверное, на своей должности тоже на память не жалуетесь?

– Стараюсь. Хотя всяко бывает: работы много, крутимся-крутимся, – Сергей развалился в кожаном кресле.

– Вот и мы, – следователь тоже откинулся на спинку стула, – крутимся. Вы бы лучше поточнее вспомнили, как всё было. Чтобы случайно подозрение в похищении девушки не упало на вас с господином Черкасовым. Разве вам нужны новые заботы вдобавок к уже имеющимся?

Сергей сощурился и посмотрел недобро на посетителя:

– Я прекрасно все помню: девушка направилась в кусты. Прямоком. И четыре телохранителя Черкасова тоже помнят. И та же Елена Гриннер. Об этом ее расспросить забыли?

– Отчего же! Но вот Елена путается в показаниях: то села Невская в машину, то нет... – Мидоря покрутил в пальцах коллекционную ручку и как ни в чем не бывало добавил: – А на ваше слово тоже сложно полагаться: господин Черкасов до сих пор свои счета не закрыл. И, как мне передали, именно вы обещали всё уладить.

– Если что и обещал, то точно не вам. Думаю, мы закончили на сегодня, – резко ответил Сергей, встал и посмотрел

на часы. – Шиманскому передавайте привет!

– Только привет? – ехидно уточнил следователь.

– У господина Черкасова прозрачная бухгалтерия. Поэтому мы дань не платим, налоговая придерется. Торопитесь доложить, – Сергей кивнул на дверь.

Мидоря медленно встал и одернул пиджак.

– Всему свое время. Надолго не прощаюсь.

– Всегда рад отказать, – расцвел в наглой ухмылке начальник охраны.

Но едва дверь захлопнулась, Сергей стал серьезнее некуда и, распаковав очередной простейший телефон «для бабушек», вставил новую симку и набрал номер, записанный на бумажке.

– Валера, дело дрянь, – без вступлений сообщил он. – Хитроплрой от Шиманского был у меня только что. И толсто намекнул, что если платить не будем, повесит на тебя похищение Вари.

– Как они нас связали? – опешил Черкасов.

– Подруга ее, идиотка, заявление написала. Видела нас с ней, номера машины запомнила.

Черкасов выругался.

– Думаю, если мы будем упираться, – заметил Сергей, – они это сделают. Для начала могут с обыском нагряться.

– У них рожи треснут получить ордер не в своем регионе.

– Если напаяют уголовное дело, могут и получить.

– Не рискнут, – жестко сказал Черкасов.

– Есть подозрения, что Шиманский не ради себя любимого старается. Ты бы еще раз перетёр со своими знакомыми из верхов.

Валерий помолчал, потом ответил:

– Пока эти «тёрки» ничего не дали. Мои хорошие знакомые, похоже, боятся портить отношения с силовиками.

– Или просто не хотят лезть. Там, – Сергей взглянул вверх, словно шеф мог его видеть, – давно всё поделено. Только ты делиться не хочешь. Может, проще было бы жить, как все, и не париться?

– У меня честный бизнес! – оборвал его Валерий. – Я не у нефтяной соски сидел, и алмазы не подворовывал, я на своем горбу сеть построил. И платить каким-то уродам за то, что работать умею, не намерен.

Сергей подошел к окну: под сентябрьским солнцем прохожие выглядели добрее и бежали по своим делам, расстегнув верхние пуговицы курток; не так уныло торчали автомобили в пробке, поблескивая боковыми зеркалами. Девушка, отдаленно похожая на Варю, вышла из кондитерской на той стороне улицы и радостно кому-то помахала. Отчего-то Сергею стало приятно, несмотря на напряжение внутри.

– Я понимаю твою позицию, – сказал он, и впервые мысль о том, что впутывать в их дела невинную девушку, показалась плохой. – Но что, если не выйдет? Если за Шиманским стоит фигура покрупнее, то даже засадив его с помощью нашей свидетельницы, от основной проблемы мы не избавим-

ся. Может, и не стоит затеваться с Варей?

– Ты же сам это придумал! И потом мы не знаем точно. На любое «если» найдется своё «то». Я лучше один раз тебе заплачу, когда всё решится, чем регулярно отстегивать кровососам в погонах. И заплачу хорошо, так что шевелись активнее. Что с украденной партией мобильных?

– Тихо.

– До сих пор нигде не всплыли?

– Нет. Уже проверили ростовские скупки б/у гаджетов и глухих на вокзалах. Ищем по другим каналам.

– Мне что, Лену, секретаря, на расследование посылать, а?! Вот уж кто пашет и днем, и ночью, и внеурочных не просит! – вспылил Черкасов.

– Я говорю, мы работаем. Но, сам понимаешь, у них все схвачено...

– Моя милиция, блин, меня бережет! В Европе даже в голову никому не придет, что банда ментов может грабануть склад с новым товаром, а потом предьявы кидать и бабло требовать. Вообще охамели! Ищи лучше!

– Мы не в Европе, и у меня не такой штат, чтобы каждый угол нашей необъятной родины обшарить. Они вполне могли оттарабанить телефоны куда-нибудь поближе к Владимирскому Централу, и ищи-свищи.

– Нужен не штат, а мозги. Вместо того, чтобы липнуть к первой попавшейся девчонке, направил бы внимание на работу.

– Перестань, Валер. Мы уже говорили об этом. Я всё понял.

– Хорошо, что понял. Она – свидетель, и всё. Никаких связей, никаких игр, заруби себе на носу.

– Да понял я уже, понял. Извини. Тебе на крови, что ли, поклясться?

– Не надо. Что с адвокатом?

– Юрий Витальевич ночью прилетает из Бадена, завтра с утра приедет пообщаться с Варей. Снимет показания и прочее.

– Семён в Ростове выяснил что-нибудь по клубу?

– Нашел троих свидетелей ссоры Шиманского с Демидовым. Ищем тех, кто видел охоту за Варей. Хотя если и был кто, услышав стрельбу, наверняка попрятался по норам.

– Подруженицу эту тупую найдите. Если ее еще не закопали.

– Не закопали. Она у них ценный свидетель против нас и, как ни смешно, против своей же подруги. Хэлен, кстати, тоже выделяется, говорит, что видела с нами Варю.

– Или подкупили, или запугали. Буду иметь в виду.

– Пока вроде всё, – сказал Сергей.

– Ладно. У меня переговоры. Не забывай менять телефоны.

– Да вроде не мальчик.

Сергей положил трубку и снова посмотрел в окно. Похожей на Варю девушки уже не было, упорхнула на свидание.

Впрочем, дел было много, в том числе касательно самой Варе, Варвары Константиновны Невской. Угораздило же девчонку!

* * *

«Я люблю вас» – с этой мыслью я открыла глаза. Рядом уютно разместившись в кресле, читал электронную книгу Георгий Петрович. Мне тотчас стало неловко за утренний демарш, и боязно – за признание. Возможно, оно вырвалось только во сне?

Доктор ласково поинтересовался самочувствием, и я не солгала, сказав, что мне гораздо лучше. Градусник и тонометр подтвердили, что умирать я не собираюсь.

– Вот видите, это была просто бессонница, – улыбнулась я ему, опуская ноги на пол.

– Как я рад, как я рад, – говорил Георгий Петрович, – Валера имеет просто волшебное воздействие на вас! Впрочем... учитывая... и не удивительно. Простите...

И я поняла, что моё «люблю» было сказано наяву. Доктор засмутился сильнее меня и перевел тему:

– Варенька, вам тут, кстати, привезли массу вещей. Ребята все сложили у двери, так что когда почувствуете себя лучше, вам будет чем заняться.

– Спасибо... А Валерий, он здесь?

– О нет, он – деловой человек, дома бывает редко. Такой

большой бизнес, вы же понимаете.

– Наверное. А вы давно на него работаете?

Доктор задумался, поправил на носу очки и сложил пухлые руки на животе, всем своим видом напоминая Санта-Клауса, разве что не в красном зипуне с оторочкой, а в клетчатой рубашке и отутюженных брюках.

– Около пяти лет, да... Или даже шесть? Нет, всё-таки пять! Валера, знаете ли, из экстремалов: то на лыжах гоняет, то с акулами плавает, то на парапланах. В общем, однажды прыгнув с парашютом, он приземлился неудачно, сломал ногу и повредил позвоночник. Понадобилась моя помощь.

– А вы хирург, травматолог?

– О, нет. Я остеопат и рефлексотерапевт, немного мануальщик. Учитывая образ жизни Валеры, ему регулярно требуются мои умения. Лестно, что такой уважаемый бизнесмен проникся ко мне доверием. А он, знаете ли, редко кому доверяется. В последнее время я выполняю еще и роль «семейного врача». Впрочем, какая у Валеры семья? Он, я да ребята из охраны. Такие шутники – Айболитом меня прозвали.

Я рассмеялась вместе с ним.

– А родители у Валерия есть?

– Есть. Мать в Питере. Он – прекрасный сын, прекрасный! Помогает ей во всем. Но предпочитает жить отдельно, – доктор развел руками. – Это понятно: молодой мужчина требует свободы, простора, отдохнуть после работы, развлечься... по-разному... И не каждая мать поймет, особенно, ес-

ли строгих правил. – Георгий Петрович тут же покраснел от сказанного.

И я тоже и перевела тему:

– Вы живете тут?

– Нет, но неподалеку. У меня чудесный домик, чудесный.

Я предпочитаю без изысков, сруб из дуба, сад выращиваем с супругой – у нас такие яблони! Сорты самые лучшие: Семиренко, Айдаред, Джонатан, Цыганочка, поздние, красные такие с тонкой кожицей, – он мечтательно закатил глаза, – скоро созреют. У нас в саду хорошо – дети приезжают, внуки отдохнуть: Анечка, ей десять, и Павлуша, ему только пять. У сына еще нет деток, он очень занят, пишет кандидатскую, – любовно рассказывал доктор «Айболит», и от его внутреннего уюта мне было тоже хорошо, будто и мне он был дедушкой или папой.

Глядя на него, я думала, что редко свыше людей наделяют даром распространять вокруг себя тепло и благодать. Я слушала с улыбкой, рассматривая на висках седину, сеть морщинок вокруг глаз и круглый, с парой крошечных родинок на крыле нос.

Георгий Петрович продолжал рассказывать о яблоках, о том, что его жена печет с ними невероятные пироги, варит джемы, от которых дом наполняется ароматом, добавляет корицу и иногда сливы. Голос его звучал успокаивающе, и если б у меня было столько денег, сколько у Валерия, я бы наверное, тоже платила доброму доктору просто за присут-

ствие.

– Вы так вкусно рассказываете, что очень захотелось есть! – призналась я.

Он спохватился:

– Экий я пустозвон! Принести вам сюда, Варенька, или у вас есть желание спуститься в столовую?

– В столовую. А то я делаю вид, что страшно больна, а это совсем не так. Только позвольте, я приведу себя в порядок...

Несколько минут спустя мы спустились в лифте на первый этаж и наткнулись на круглых напольных роботов, драющих мрамор в холле.

В пустом доме я чувствовала себя свободнее и позволила себе не думать ни о чем, а только уминать разогретый «картофель по-домашнему» с салатом из свежих помидоров, пить чай и слушать байки Георгия Петровича. Затем он принес мне планшет для заказа ужина и, разгулявшись, я выбрала любимые суши со сливочным сыром и бананы, жареные в кляре с мороженым. Вспомнилась улыбка Валеры, и на душе стало совсем хорошо.

Я встала из-за стола, Георгий Петрович подал мне руку, и я вздрогнула. Хватило прикосновения, чтобы отпечатки его прошлых жизней открылись передо мной, словно иконки на «рабочем столе» от клика мыши. Я увидела усталую норвежку с десятью детьми, офицера русской армии, погибшего при первой Турецкой и изможденного крестьянина, страдающего от болезни легких в незапамятные времена, в деревеньке

у северной границы Магатхи... Боже мой!

Я как бы невзначай высвободила ладонь и, выдавив улыбку, пошла без посторонней помощи. Теперь сквозь облик доктора мне виделся не пожилой мужчина, но уже старик, умирающий с мыслью о позоре, который ему довелось пережить перед всей деревней из-за пропавшей дочери.

Я затаила дыхание: Георгий Петрович – отец Соны или просто совпадение? Совпадений не бывает, – говорят физики.

Как бы то ни было, страх позора красной нитью прошел по его перерождениям. Милый доктор, похоже, до сих пор от него не оправился. И если предположить, что у каждого человека есть свой крючок, то именно страх позора был его слабым местом. Но почему и «отец Соны» тут? Неужели кто-то свыше решил обложить меня со всех сторон?!

Холодок пробежал меж моих лопаток. Так, наверное, чувствует себя набравший кредитов должник, в дом к которому ломятся коллекторы из разных банков. Но от кармы не забаррикадируешься.

Георгий Петрович говорил что-то о пользе витамина Д, а я думала о стечении обстоятельств. Учитывая, что рядом со мной был еще один человек, жизнь которому «мне» довелось испортить, впору было принимать с распростертыми объятиями паранойю. Нас собрали в одной лодке – для чего? Кто еще был участником той истории: Сергей, Шиманский, Ника, мои родственники, в конце концов? Им я тоже

задолжала? Может, потому брат мне хамит, а кухня с племянниками садятся на голову. Иначе как объяснить то, что сбросить с себя тяжелую ношу не получается?

Я отпустила доктора, сославшись на желание разобраться вещи.

* * *

Каких еще сюрпризов мне ждать? – думала я, распаковывая коробки и без примерки раскладывая одежду по полкам. Повесила на плечики платья, которые все-таки заказал Сергей, вниз поставила туфли. Красивые, но к чему они?

Не уходило ощущение, что меня заперли в помещении, где один за другим включаются телевизоры, показывая то, что мне совсем не хочется видеть. И выключить бы их, но нет ни пульта, ни кнопок на панели – смотри, пока не свихнешься.

– Это не смешно! – с вызовом проговорила я, переведя взгляд в потолок – а куда еще, чтобы обратиться к Высшим силам? – И что, мне теперь о каждом человеке кино будут показывать, если прикоснусь? При каждом касании? Я не хочу!

Вам когда-нибудь отвечали на такие тирады? Вот и мне никто не ответил. Как издевательство на совершенно пустом потолке появился муравей, пошевелил лапками и пополз дальше. Еще б таракана прислали! Веселится Вселен-

ная...

Рассердившись, я переделалась в новенький спортивный костюм – голубой, фирменный, давно хотелось такой иметь. Надела кроссовки, куртку и сбежала прочь из дома – к соснам.

* * *

Они шумели кронами, величественные и самодостаточные, гораздо более мудрые, чем я. Жаль, и от них ответов не получить. Янина говорила, что шизофреникам полезно заземляться. Надо попробовать, я ведь уже почти...

Дотронулась до шершавой коры стволов, провела ладонями по травинкам, коснулась земли, зачерпнула ее в горсть, помяла пальцами комья. И верно – стало немного спокойнее. Отряхнув руки, я не пошла по аллеям, а свернула в чащу, удивляясь, каким огромным был «частный лес». Жукам и птицам не было дела до того, что он кому-то принадлежал.

На ум снова пришел убитый парень. Теперь я знала, как его зовут: Иван Демидов. Казалось, просто наглый мальчишка-мажор. Сын депутата... Какого? Я ничего не смыслю в политике, а, выходит, надо бы! Поинтересуюсь, если дадут доступ в Интернет. Возможно, Иван с отцом появлялся в высших кругах. Возможно, и с Валерием был знаком, хотя бы шапочно. Не бывает же случайностей! А вот что бедный Ваня не поделил с Шиманским? Я напрягла память, но из об-

рывков их ссоры ничего не вспомнилось, кроме часто повторяемого слова «телефон».

Потревоженная память внезапно подбросила мертвое лицо в луже. Я вздрогнула и задумалась: где сейчас Иван, мальчишка, которого я удостоила лишь презрением тогда, в клубе? Куда душа отправляется после смерти? Существует ли мифический ад или рай? Проходят ли умершие через испытания, как в Египетской книге мертвых, или мы просто захопываем за собой одну дверь и сразу заходим в другую?

Я шагала, наблюдая за зеленой хвоей и уже усопшей, желтой: сосновые иголки никому ничего не были должны, они просто умирали и рождались бесконечное количество раз. А мы? Я наблюдала за подернутыми багряной листвой кустарниками, за укутанными в золотые шали березами, вдыхала чуть сырой запах, напоминающий о грибах, и становилось спокойнее в душе.

Я наткнулась на кирпичную ограду, растущую из высокого фундамента, с напутанной поверху колючей проволокой. Почти крепостная стена – не перелезть. Однако, что бы ни говорил Валерий, муравьи в его дом пробрались... Надеюсь, убийцы не смогут.

Солнце клонилось к западу, и начинало холодать, но возвращаться в оставшийся позади особняк не хотелось. Там жизнь пугала многосложностью, здесь всё было бесхитростным и понятным, словно долгов по счетам не существовало. Но подкрадывающаяся сзади темень заставила меня развер-

нуться обратно.

У входа стояли автомобили, и потому я прошмыгнула мимо можжевельников к боковому входу, который мне показывал Сергей. Оттуда через кухню, на лестницу и сразу к себе. Едва я сняла куртку, в комнату без стука вошел Валерий. В элегантном темном костюме и даже при галстукe. Лицо осунулось, в глазах угадывалась усталость. Но теперь он казался мне еще красивее, таинственнее, как рыцарь после боя.

– Вы здесь? – спросил он.

– Да, добрый вечер, – я улыбнулась, чувствуя трепет и неловкость из-за вырвавшегося утром признания.

– Добрый, – без тени мягкости ответил он. – У меня гости, так что не выходите. Кирилл, охранник, принесет вам ужин.

Он шагнул ближе, взглянул рассеянно на заполнившиеся полки шкафа. Моё сердце забилося сильнее, похолодели ладони, и я еле сдержалась, чтобы не поправить упавшую ему на лоб прядь. Надо было что-то сказать, и я поинтересовалась:

– Как прошел ваш день?

Он метнул на меня удивленный взгляд:

– Нормально.

– А Сергей?

– Занят. Сегодня не появится, – его тон стал еще более сухим, словно говорить со мной ему было неприятно. – Георгия Петровича я отпустил домой, будет завтра. И еще: в первой половине дня приедет мой адвокат. Он займется вашим

делом, будьте с ним откровенны. Я распорядился, чтобы вам принесли в комнату телевизор. Не скучайте.

Валерий ушел. Из моей груди вырвался вздох.

Увы, похоже, для него ничего не изменилось. Разочарование разлилось в моей душе терпкой горечью: даже не спросил, как я себя чувствую. Похоже, кружки с мультфильмами вызывают у Валерия больше эмоций, чем я со всеми своими достоинствами и «тараканами». Обидно... Впрочем, зная о прошлом, чего я могла ожидать?

Я с тоской посмотрела на отражение в зеркале – унылая блондинка с косой. Даже не блондинка и не русая, а какая-то серая, скучная. С гнетущей «историей болезни» и безумным блеском в глазах, возникшим после видений. Зачем ему такая?

* * *

Рослый угрюмый Кирилл скоро принес ужин, и в открытую дверь ворвались звуки музыки. Романтика заглянула на секунду в мою келью со всеми удобствами и убралась восвояси, отгороженная дверным полотном. Грустно.

Кирилл, видимо, забыл о телевизоре, а я постеснялась напомнить. «Неудобно» – одно из постоянно присутствующих в моей жизни слов. Как всегда, оно причинило неудобство мне, оставив наедине с собой. Как же не хватало книг сейчас или хотя бы бубнящей ни о чем телепередачи!

Я начала заниматься йогой, но голова была полна мыслями о Валерии. Поза «Собака мордой вниз» – печально быть никем для него. «Собака мордой вверх» – не расплакаться бы. Скрутилась в Матсиендрасане – но ведь я же чего-то стою! Возможно, он еще не понял, но поймёт. Выпрямилась в Дандасане – нет, он не замечает и не хочет замечать... Поза скалы – Тадасана – я раздражаю его, что бы он ни говорил про дурной характер. Утром назвал меня «воздушной», но, наверное, из вежливости заменил этим «худую и сумасшедшую»?

Я легла в Шавасану, так и не вернув себе спокойствия. Очень хотелось, чтобы Валера заглянул хотя бы на минуту. Хотелось, чтобы воспоминания о Соне и жгучий, чужой жар, отзывающийся в моем теле, развеялся. Ведь со мной – такой, какой я была сейчас, этот жар не имел ничего общего! И всё же, будто назло, непрошеным, грязным, подземельным роем кружились воспоминания и образы, заставляя меня краснеть и мечтать о забытии. Мое «Я» сжималось и становилось бесконечно маленьким, отчаянно пряталось от наваждения где-то глубоко внутри. Оно отказывалось признавать вспышки древних воспоминаний своими.

«Я не жестока, я не принимаю насилия! Тот человек с необузданными страстями, одержимый, просто не мог быть мной!»

Но мысли не уходили, они закручивались воронкой над моей головой и гудели. Оттого болел затылок, и сомнения за-

темняли чувство, которое я назвала Валере любовью. Думалось: а вдруг возникшее к нему притяжение – не больше, чем еще одна иллюзия? Вдруг он не просто равнодушен, но смеется надо мной? С удушливой волной меня бросало в жар, затем в холод. Сердце гулко стучало от осознания того, что Валера совсем рядом, всего парой этажей ниже.

Кем были его гости? Деловые партнеры, друзья или женщины? Чего стоило ему быть хоть на грамм приветливее? Что заставило меня сделать первый шаг в отношениях с едва знакомым мужчиной? Раньше я никогда бы не призналась парню даже в обычной симпатии. А теперь желание увидеть Валерия, просто поговорить, узнать о нем больше изводило нетерпением, как влюбленную в старшеклассника девчонку-подростка. Я ходила от стены к стене, останавливаясь у порога и прислушиваясь, в тщетной надежде услышать его шаги. А потом ругала себя.

«Одному Богу известно, что думает этот человек обо мне!»

Чтобы хоть чем-то себя занять, я принялась рассматривать вещи, которые до этого безразлично сложила в шкаф, примерила. Короткое черное платье с открытой спиной я надела последним. Оно село, как влитое, подчеркнув фигуру. «Слишком откровенное», – подумала я и хотела уже потянуть за боковую змейку, чтобы разоблачиться, как где-то совсем рядом раздалась трель мобильного.

Я дернулась на звук, но остановилась: мне четко сказали

– не подходить к телефонам. Трель повторилась. Долгая и настойчивая.

На десятый звонок я не выдержала и приоткрыла дверь – «старческий» телефон лежал на ковровой дорожке. За громкими ритмами музыки, наполнившими дом от подвала до крыши, его никто не слышал. Сотовый опять зазвонил, затем с того же номера пришла смска: «Валера, срочно перезвони!»

Я закусила губу: вдруг что-то важное? Немного поколебавшись, решила спуститься в кухню и оставить телефон там, чтобы Валера скорее нашел его.

Крадучись, я пошла по служебной лестнице и, дойдя до пролета между первым и вторым этажом, услышала сквозь музыку баритон Валеры. Затаилась. Его голос стих, я осторожно вытянула шею и глянула вниз. И тут же пожалела об этом: он был в столовой. Не один.

В джинсах и без рубашки Валерий стоял, облокотившись о стол и равнодушно наблюдал, как перед ним обнимались и целовались две едва одетые девушки, красивые и холеные, с какими не столкнешься на улице в разгар дня. Рядом на тележке с серебряной ручкой беспорядочно толпились бокалы и сифтеры, вино, коньяк, шампанское в ведерке со льдом и огромная бутылка виски с квадратными углами. «Вот значит как „отдыхает“ молодой миллионер, которому все позволено!» Сожаления за утреннее признание обрушились на меня. Ощущение пошлости, мерзости и... возбуждения заста-

вили замереть. Я отвела от вакханок глаза, и тут же почувствовала взгляд.

Мы смотрели друг на друга всего лишь секунду. Губы Валерия сомкнулись в тонкую злую полоску, черты заострились, как у хищника перед атакой.

– Пошли вон отсюда! – раздалось его громогласное. Понеслось шелест купюр, брошенных на столешницу.

Поддавшись внезапному, неконтролируемому страху, я развернулась и побежала наверх. В нахлынувшем ощущении жертвы свело мышцы, запульсировала в висках кровь.

Валерий настиг меня у двери в комнату. Схватил за руку, резко развернул и прижал к стене. Теряясь при виде ярости в черных глазах, я пробормотала:

– Извините... Только хотела вернуть ваш телефон... Извините... – и тут же почувствовала, как его вторая рука сдавила мне горло. Вдохнуть не удалось. Мысль о мести и Матхураве мелькнула и исчезла. Мои глаза расширились от ужаса.

– Стерва! Я говорил не подглядывать за мной! – рявкнул он. Мне в лицо пахнуло концентрированным алкоголем.

Валерий ослабил хватку и втолкнул меня в комнату. Ударившись о стену, я упала на колени и закашлялась. Он шагнул ближе и начал расстегивать ремень, говоря зло и угрожающе:

– Ты хотела продаться подороже? Так давай, покажи, на что способна.

– Не надо. Уходите! – только выдавила я, закрываясь руками и не веря, что это происходит со мной.

– Цену набиваешь? – гаркнул он в пьяном угаре, совершенно невменяемый. – Не выйдет. Сначала тест-драйв.

– Уходите, пожалуйста, не надо! Прошу вас! – расплакалась я.

Я была поражена страхом и призрачной виной, парализована ими. Валерий склонился надо мной и, дернув за косу, заставил посмотреть на него снизу вверх.

– Что, думаешь, красивой фигурки и мордашки достаточно, чтобы богатый идиот раскошелится? Захотела жить в шоколаде?

– Мне не нужны ваши деньги! – хрипло вскрикнула я, задыхаясь от обиды и негодования.

– То-то в покупках ты не стеснялась, – он кивнул головой в сторону шкафа и ядовито оскалился.

Я подскочила, закричала во весь голос:

– Помогите!

Он поймал меня и закрыл ладонью рот.

– В доме никого нет. Только я и ты, – сказал Валерий.

Обливаясь слезами, я попятилась и, споткнувшись, упала на кровать. Грубый и яростный, он навалился всем телом. Задрал короткое платье и... позволил себе всё, что хотел.

В пьяном, унижительном, беспощадном насилии, которому не было конца и края, я, зажмурившись, повторяла:

– Не надо. Не надо...

Пока не потеряла сознание.

* * *

Когда я пришла в себя, уже рассвело. Валерий спал прямо на мне, сдавливая тяжестью. Было трудно дышать. В первый момент подумалось, что теперь все равно, дышу ли я. Потому что я была неживой, грязной, пропитанной чужим запахом, будто подобранная на помойке резиновая кукла.

Без единой эмоции я констатировала, что у Валерия была родинка на бедре – на том же месте, что и у Соны. «Проклятый Матхурава», – мелькнуло в уме, и вместе с мыслью вспыхнули ощущения: ломота в пояснице, ноющая боль в животе, сухость во рту. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Резкий страх, что всё сейчас повторится, заставил меня дернуться, но запястья были примотаны к изголовью кровати. Я попыталась оттолкнуть от себя худощавое, мускулистое тело насильника, испытывая к нему не меньшее отвращение, чем к себе.

Валерий поднял голову, заспанный и еще хмельной. Увидев мои привязанные, затекшие кисти, бросил:

– Черт!..

Он громко сглотнул, встряхнул кудрями, пытаясь понять, что происходит. Затем, нетвердо встал на ноги, натянул штаны и, стараясь не смотреть на меня, принялся отвязывать.

Все уже было бессмысленно: утро, солнце, вчерашние

слова, кармические долги. И страх. Потому что меня больше не было. Я была уничтожена, стерта с лица земли.

– Ненавижу тебя, скот! – сказала я не своим, погрубевшим голосом.

Валерий ничего не ответил. Освободив меня, буркнул:

– Потом поговорим.

Я потянула на себя сброшенную на пол простыню, валявшуюся рядом с разорванным платьем. Прикрывшись ей, встала и ударила его по лицу наотмашь, со всей силы. Он схватился за щеку.

– Скот, – повторила я. – Я бы прокляла тебя, но не хочется новые узлы завязывать. Хватит с меня прошлых жизней!

От второй пощечины Валерий успел отклониться, перехватив мою руку. Рывкнул:

– Прекрати. Ты сама этого хотела!

– Чудное оправдание низости!

Он ничего не ответил и пошел к двери, застегивая на ходу ремень на джинсах. Во мне бурлило негодование:

– Я разрываю договор! Требую вернуть мне мой телефон с записью! Я заберу только свои вещи и уйду сейчас же! От тебя, сволочь, мне ничего не нужно. Разберусь как-нибудь без твоих услуг! Убьют? Плевать! Так даже лучше!

И это было правдой. Каждая часть моего тела была отравлена им, осквернена изнутри и снаружи. Хотелось не чувствовать, не думать, не жить.

– Замолчи, – резко перебил Валерий.

– С какой стати?! – процедила я, специально пытаюсь вывести его из себя. – Ты – торгаш! Подлый, мерзкий торгаш! Для которого ничего, кроме денег не существует! Ничего святого, тонкого, никаких чувств! Чтоб ты знал, жизнь – не только деньги! И не всем они нужны. Верни мне телефон. Я ухожу сейчас же!

– Голая? – Валерий встал у двери и сверкнул глазами: – Угомонись. Ты останешься здесь столько, сколько я скажу.

– Так это все-таки похищение? – язвительно сказала я, ища взглядом что-нибудь тяжелое. – Приводи своего адвоката, я все ему расскажу. Особенно подробности этой ночи! Прекрасное уголовное дело, не находишь?! И я, как всегда, единственный свидетель и потерпевшая. Надеюсь, прокуратура заинтересуется! Засадить бы вас с Шиманским в одну камеру, чтобы вы развлекли друг друга! Уроды!

– Слова выбирай.

– Незачем.

– Ты не выйдешь из этой комнаты, пока это не будет нужно мне. Приведи себя в порядок и оденься. Всё! – Валерий с грохотом хлопнул дверью.

Щелкнул замок. Проклятый «умный дом»!

Я бросилась следом, дернула за ручку и услышала едкий голос Сергея:

– Никаких связей, никаких игр, говоришь?

– Не зарывайся! – одернул Валерий и уже мягче: – Не в том дело. Дурдом какой-то. Пойдем ко мне в кабинет, рас-

скажу.

Я забила кулаками по дверному полотну и закричала:

– Сергей, Сережа! Он запер меня тут! Помогите!

И в ответ – раздраженный голос Валерия:

– погоди. Георгий Петрович не зря волновался: крыша у нее все-таки поехала. От сотрясений и потрясений. Придется искать психиатра в срочном порядке.

– Всё так плохо?

– Не верьте ему, Сергей! – кричала я через дверь. – Это ложь! Подлая ложь!

– Угу, бегает голая и кричит о прошлых жизнях. Я ее на ночь даже привязал к кровати. Могу открыть, сам увидишь, – удрученно сказал Валерий.

От возмущения я лишилась дара речи.

Глава 9. Умалишенная

Гневные мысли били рикошетом по стенкам черепа, но ярости было не в кого выплеснуться, разве что в неистовые попытки смыть его запах с собственного тела. Злясь на дрожь в перетруженных мышцах и ноющую боль в пояснице, я все-таки оделась и заплела косу. Назло. Если зайвится, пусть видит, что я не раздавлена.

Послышался звук подъезжающего автомобиля, я бросилась к окну. Из белого мерседеса вышел солидный господин в шляпе. Наверное, адвокат. Теперь Валерий вряд ли подпустит его ко мне. Но ведь это шанс! Я не буду сидеть покорно, я не безвольная индианка, я – человек, привыкший к свободе, и не собираюсь от нее отказываться! Ни за что!

Я дернула створку, та не поддалась, словно рамы приклеились одна к другой. Что за черт?! На ум пришло: в системе «Умный дом» всё контролируется одним компьютером: окна, двери... – доводилось переводить презентацию о таком недавно. Я закусила губу, но не успокоилась: начала махать изо всех сил, стучать по стеклу, звать на помощь. Возможно, это принесло бы результат, если бы внезапно с внешней стороны заменяющее ставни полотно не затянуло окно, скрывая от глаз площадку со стриженными кустами, и пасмурное небо, и хвойный с вкраплениями желто-багряного лес. Абсолютная темнота поглотила комнату. По спине холодной

волной пробежало отчаяние, что-то перещелкнуло в голове, наверное страх.

– И солнечного света лишил, сволочь! – гаркнула я. – По-годи еще...

На ощупь нашла шнурок бра – лампа не прореагировала. Споткнувшись о бутылку на полу, добралась до выключателя – ничего. «Умный дом» отрезал от этой комнаты электричество.

Поддавшись панике, я снова кинулась к двери, наткнулась на какой-то угол, схватилась от боли за колено. А потом все равно рванула к дверному полотну, крича, как безумная, и стуча кулаками. Хоть бы одна живая душа отозвалась... Отчаяние подкатывало к горлу, но я не позволила себе опустить руки и попыталась пальцами найти замок.

Я была готова пробить выход, как граф Монте-Кристо, не сомневаясь, что получится. Но замка, как такового не было. Я билась об окно и дверь, как мотылек о стекло банки. Тщетно. И какое-то время спустя я обессилила.

Забравшись с ногами на кровать, о которую перед этим не раз ударилась, я обхватила себя руками. Душная темнота пахла алкоголем и развратом. Безднадега захлестнула меня. Я заперта... Неужели придется пройти всё, через что прошла Сона? Мои пальцы задрожали настолько, что не с первой попытки удалось убрать упавшую на глаза прядь.

Я прислушивалась к звукам, но слышала только стучащую в ушах кровь и собственное дыхание. Тягучее время полз-

ло, залипая в пустоте. Может быть, прошел час, может, семь. Желудок скручивало от голода, но никто не нес мне еду, не разговаривал, не ходил по этажу. словно все срочно покинули дом, а обо мне забыли.

И стало страшно.

Мне чудились пятна света то в одном углу, то в другом, сверкающие желтые кляксы, искры, будто от светляков; они рассасывались, стоило протереть глаза, и я опять тонула во тьме. Казалось, что я слепну от непроглядного мрака, и не увижу больше ничего: ни солнца, ни деревьев, ни маму... Я проглотила слезы, надо было держаться...

А вдруг это всё, что мне осталось? Что, если жизнь никогда не будет прежней: размеренной и даже немного скучной? С нудноватым, но добрым шефом; с посиделками по пятницам, счетами за квартиру, проблемами с родственниками, запутанными отношениями с отцом? И я не смогу больше смеяться с Никой и рассматривать орхидеи на ее подоконнике, не буду слушать ее рассказы о новом поклоннике и предаваться глупому шоппину. Что, если мне никогда не придется растягиваться с удовольствием в просторном зале для йоги, где инструктор Володя веселится над нашими потугами: «Вам хорошо, но должно немножко хотеться домой»?

Сейчас мне ужасно хотелось домой. Мне было очень плохо: тянуло в животе и кровоточила душа: на каждый стук сердца по капле. Я была во власти безумца с огромным состоянием, который мог позволить себе всё. Мог даже запла-

тить психиатру и признать меня сумасшедшей, чтобы, наигравшись, пожизненно запереть в интернате для умалишенных. И никто, даже молчаливый водитель шефа, не пригласит меня на свидание... на нормальное свидание с цветами и мороженым; я не буду гулять с девчонками по парку после кино, не пройду по набережной, глядя, как над Доном летают чайки, а на каменных парапетах нахохлились мужички с удочками. Я не услышу любимой музыки, не испеку пирога с вишней, не буду экспериментировать с рецептами и не прочту ни одной книги... Больше ни одной! В груди опустело, и нутро заполнил ледяной ком.

Я сама превращусь в пустоту, и обо мне все забудут...

Сердце сжалось: вот что чувствовала Сона! Как жаль мне было ее сейчас, она казалась реальнее всех, кого я знала, будто сидела рядом, робко кутаясь в платок и вздыхая о зеленых предгорьях Гималаев. Я понимала ее теперь, только теперь... Но разве она имела что-то общее с подлецом Валерием, кроме родинки на бедре и прозрачно-черных глаз? А я – с ювелиром Матхуравой? Я всю жизнь боялась навредить кому-то, проявляла излишнюю щепетильность. В детстве тайком спасала от деревенских мальчишек черепах и лягушек вместе с братом Женькой. Не дралась никогда – пощечина Валерию была первой, раньше не поднималась рука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.